

84/2=6321/6

У-435.

БОРИС УКАЧИН

Эхо вечного Алтая

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

Суд. т. № 7. 1000

325413.

БОРИС УКАЧИН

Эхо вечного Алтая

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Перевод с алтайского

25

МОСКВА • 1979

84(2=632.1/6-5
С(Спб)
У43 5

0325413

✓ V

Укачин Б.

У43

Эхо вечного Алтая: Стихотворения и поэмы /Пер. с алт. — М.: Современник, 1979. — 190 с. с ил. — В вып. дан. авт.: Укачин Борис Укачинович.

Борис Укачин — известный алтайский поэт, автор многих книг на родном и русском языке. В новую книгу Б. Укачина вошли его лучшие стихотворения и поэмы и стихи последних лет, составившие своеобразный и колоритный цикл «Эхо вечного Алтая». Судьбы родного края, его прошлое и будущее, народные предания, живописная природа — вот главные темы, волнующие поэта.

у	70403 — 080	235—79	4702070000	С(Спб)
	М106(03) — 79			

Б-454-78А

Ветка горного
кедра

Я — горного кедра колючая ветка!
 Расту. Зеленею. И с первого дня
 Гроза надо мной пролетала нередко
 И молнии косо метала в меня.

Я знаю: цветут по долинам березы.
 Я знаю: шумят в городах тополя.
 Там ветры потише, помягче морозы,
 Там корни щедрее питает земля.

Но я вот привычней к суровой природе,
 К неласковой почве, к высокой свободе,
 Где рядом орлы и орлицы парят.
 Не мне, извините, расти в огороде,
 Не мне, уступая погоде и моде,
 Менять по сезону свой цвет и паряд!

Люблю на осеннем рассвете проснуться,
 Услышав раскатистый выстрел ружья.
 Люблю — пусть единожды в год! —

прикоснуться

К руке зверолова, шершавой, как я.

Когда же в долины устало и хмуро
 Спускается сумрак — люблю до утра
 Предания слушать под звуки топшура,
 Дыша горьковатым дымком от костра...
 Скло меня, било дождями и снегом,
 Но я продолжаю — назло! — зеленеть.

Я — горного кедра, одетого небом,
Колючая, гордая, крепкая ветвь!
В расселены камня вцепившись корнями,
Упрямые соки по жилам гоня,
Зажег он меня, как зеленое пламя...
Из сердца однажды он создал меня!

Как ветер ни свищет, как вьюга ни злится —
Мне стойкости хватит на битву с судьбой.
Я с кем-нибудь даже смогу поделиться...
Мой друг неизвестный!
Быть может, с тобой?

НОЧЬ В ГОРАХ

✓ Ночь. Алтай.
Луна — как сережка.
Четкий профиль горной гряды.
Можно трубку, привстав немножко,
Раскурить от любой звезды.

Тишина...
Но скажу одно я:
Кто нелепость придумал ту,
Будто можно, мол, тишиною
Звать
Лишь мертвую немоту?

Будь слова бездушные эти
В самом деле всегда верны,
Никогда, ни за что на свете
Не любили б мы тишины...

Встаньте рядом, дайте мне руки,
Я рассказывать вам начну:
Различимей дальние звуки,
Как сквозь линзу,
Сквозь тишину.

✓ Вот марал протрубил на склоне,
Кедр под ветром занел струной.
Вот
На пастбище где-то
Кони
Бьют копытами в шар земной.

Тишина.

Колыханье веток...

И костры зажглись на земле,

И сквозь ветки мне виден свет их —

Весть о дальнем

Живом тепле.

...Если будете в нашем крае

И костер вам блеснет сквозь тьму —

Время попусту не теряя,

Поспешите в гости к нему!

Чашка будет.

И трубка будет.

Просто, искренне встретят вас

Чабаны — достойные люди,—

Как встречают меня сейчас.

Не снеса разговор наш длится —

Будем вместе встречать зарю...

Про ученье,

Про жизнь в столице

Я в подробностях говорю.

И невольно припоминаю,

Как была мне и там нужна

Эта чуткая и земная,

Эта горная тишина.

Здесь мой край. И совсем не чудо,

Что в рассветной плывущей мгле

Мне слышней бывает отсюда

Поступь Времени по земле.

СОЛЬ

Раз повстречался парень один
В горах со своей судьбой.
Она держала в одной руке
Сахар, в другой — соль.
«Что выберешь ты,— сказала она,—
То будет всегда с тобой!
Подумай теперь,— сказала она,—
И выбор сделать изволь».

Задумался парень. Думает час,
А может быть,— два часа.
Судьба терпеливо стоит и ждет:
Что скажет он наконец?
И чудится парню, что слышит он
Знакомые голоса.
«Сахар!»— совет подает сосед.
«Соль!»— говорит отец.

И вспомнил парень рассказ отца:
Когда-то давным-давно
Не стало соли, кончилась соль
В один неудачный год.
И пропотевших людских одежд
Грубое полотно,
Без соли страдая больше людей,
Жевал ошалевший скот.

И уходили мужчины в путь,
Долгий, словно зима,

За солью, с виду такой простой
И драгоценной столь,
За солью, белой, как снег вершин,
Желанной, как жизнь сама...
Вспомнил парень и твердо сказал:
«Я выбираю соль!»

Он много троп и дорог прошел,
Он людям в глаза смотрел.
Он побратался с трудной, мужской,
Лучшей из лучших доль.
Он в реках тонул — и не утонул,
В огне горел — не сгорел,
Он жизнь до конца изведal на вкус:
И сладость ее, и соль.

Когда ж он закончил жизненный путь,
Став белым, как соль, как снег,
О нем говорили так земляки:
— Сегодня ушел от нас
Крепкий, как соль,
Нужный, как соль,
Товарищ.
Соль человек!

А приторно-сладких, сахарных слов
Никто не сказал в тот час.

БЕГ АРГАМАКА

Аргамак!

Ты подобен звенящей струне!

На высоком Алтае, в моей стороне,

С лучшей песней, с легендой, с мечтой паравне

Ходит добрая слава о добром коне!

Аргамак!

Твоя сбруя как солнце горит.

Ты к победе летел, уносил от погонь,

В сердце истых мужчин — мой народ говорит —

Обитает сверкающий огненный конь.

Добрый конь да ружье — вот богатство мужчин,

Так издревле считают в моей стороне.

«Все, чем я дорожу, передам тебе, сын» —

Так, я помню, о них говорилось и мне.

И педаром, недаром в былые года,

Прославляя тебя, аргамак, аргамак,

Лучших слов не жалели певцы никогда —

Лишь красавиц возлюбленных славил так!

Заклубится дорожный встревоженный прах

Да покажется в дымке, бывало, гонец —

И взволнованно смотрят селенья в горах:

Что за вести несет он для тысяч сердец?

Не пора ли для свадьбы варить араку?

Отыскался ли друг? Показался ли враг?

Счастье, горе, надежду, тревогу, тоску —

Все в веках мы связали с тобой, аргамак!

Аргамак!

То не ты ли в былые года
Весть про выстрел «Авроры» к нам в горы донес.
И победно воспрянул народ мой тогда,
Понял: кончилось время страданий и слез.

Но еще пригодились и конь, и ружье
Для борьбы за свободу в родимых местах,
И бойцы погибали за счастье мое —
Песнь о будущем стыла на мертвых устах...

Аргамак!

В сорок первом суровом году
Вновь отца уносил ты в решительный бой.
Не забыть никогда, как, держась за узду,
Мать прощалась в печали и с ним, и с тобой.

Длятся мирные годы в моей стороне,
Но покоя и нынче не знают сердца...
Я хочу по горам проскакать на коне,
Я сажусь на коня — вспоминаю отца.

В Каракольских горах, уж давно не юнец,
Я коня привязал и в раздумье стою.
Эту коновязь — помню — поставил отец.
И печаль наполняет всю душу мою.

Прорезают ракеты космический мрак,
И машины режут на дорогах земных,—
Но диктует мне ритм, аргамак, аргамак,
Стук подков, стук подков благородных твоих!

Ты — не лишний в наш строгий технический век,
Без тебя не смогу я на свете никак.
Никогда, никогда не прервется твой бег,
Сказка, песня, мечта, аргамак, аргамак!..

МАТЕРИНСКИЙ ПОДАРОК

Сядь поближе, мой русский друг,
посмотри на мамин подарок:
он узорчат, цветаст и ярок,
пестрым бисером шит вокруг.

Треугольник из твердой кожи —
по-алтайски зовут: байры.
Весь расшитый, с игрушкой схожий,
он придуман не для игры.

Лет прошло с той поры немало:
я родился, и в должный срок
пуповина моя отпала
в некий зимний, выюжный денек.

Мама в кожу ее зашила,
и при ней, обычай храня,
все, что надобно, положила —
от напастей беречь меня.

Красной меди там есть крупница.
Потому ей такой почет,
что ее, говорят, боится
самый хитрый алтайский черт.

Можжевельника там иголка —
по-алтайски зовут: арчин.
Если кто захворал надолго
и никак не найти причин —

можжевеловым синим дымом
курят в юрте, гонят беду...
Верят мама, что невредимым
с той иглой я всю жизнь пройду!

Есть и порох. Как же иначе!
Рассудила мама моя:
коль родился алтайцем — значит,
и охотником буду я.

И еще там доброй приметой
ячмея зашито зерно.
Знай: от голода в жизни этой
охраняет меня оно.

Чтоб всегда хорошо мне было,
чтоб всегда был светел лицом,
ничего-то мать не забыла,
позаботилась обо всем...

Суевериям нет возврата,
нет возврата былым годам,
но храню тот подарок свято,—
сыновьям его передам.

Б. А. Слуцкому

Часто я в снах моих вижу картину все ту же:
дивным алтайским альпийским лугам на ладони
с неба спускаются тихо и плавно, как души,
солнцеподобные, луноподобные белые кони.

Белые кони спускаются с неба кругами,
воздух вдыхают прохладный и девственно-чистый,
трогают землю — как будто целуют — губами,
мирно катаются в мягкой траве шелковистой.

Как хорошо мне! Господствуют в мире зеленом
чувство простора и светлое чувство покоя.
Слышу: кукует кукушка в лесу отдаленном.
Чутко ступая, косуля идет к водою.

Мирные, нежные, душу влекущие звуки!
Будто вовеки на свете не ссорились, не воевали,
будто уж тысячу лет на земле нет ни горя, ни муки,
будто глаза мои жгучести слез никогда не знавали...

Смутно лишь слышится: ржут где-то кони — как
стопают!

Гибнет на mine корабль, водяные воронки струятся,
в море бескрайнем беспомощно лошади тонут,
тщетно к зеленому берегу кони стремятся.

Только не верится этой мучительной были!
Бред мой, кошмар мой — видения странные эти!
Может ли быть, чтобы люди копей потопили?
Это, наверное, было не здесь, не на нашей планете!

— Здравствуйте! — я говорю,
невесомые гривы лаская. —
Здесь я хозяин. Резвитесь, паситесь на лоне
вольных лугов лошадиного рая — Алтая,
солнцеподобные,
луноподобные
белые кони...

ВЕСЕННИЙ СНЕГ

325413

Снег весной! Прогнозам вопреки,
Мокрый, он к асфальтам припечатан...
Под окном идет игра в снежки.
Весело ребятам и девочкам!

Только мне уж третий день, считай,
Не до их веселой перебранки:
Снова мне привиделся Алтай,
Пастухов далекие стоянки.

Я-то знаю, как в такие дни
Пастухам тревожно! Как все чаще
Взгляд отводят в сторону они
От скотины, горестно мычащей.

Им опять, откашлявшись, вставать
И на склонах, вровень с облаками,
Травы из-под снега доставать
Красными от холода руками.

Неужели там и в этот год
Смотрит небо словно исподлобья
И лютует ветер и песет
Мокрые бесформенные хлопья?

Мне обидно: я гляжу в окно —
Под бесцветным кровом небосвода
Фабрикам кирпичным все равно,
Какова на улице погода!

Горно-Алтайская

17
областная

БИБЛИОТЕКА.

Пусть меня поймет рабочий класс!
Не скажу о городе худого,
Просто-напросто во мне сейчас
Сын пастуший вдруг проснулся снова.

Мчусь, душа, ветрам наперерез,
К нашим рекам, быстрым и холодным,
В те края, где люди снег и лес
Знают не по шипкиным полотнам!

Если снег идет в родных горах —
То и мне безрадостно и зябко...
Эх, сейчас буренке бы в руках
Протянуть душистую охапку!

Но родные горы — далеки.
Лишь над корпусами, гаражами
Снег летит и падает. В снежки
За окном играют горожане...

У КОЛЫБЕЛИ СЫНА

Мальчик, сын мой,

ты знаешь, как быть человеком непросто?

Ты лежишь в колыбели алтайской

из нежной бересты,

Над тобой небеса идилически заголубели...

Но еще покачаешься ты и в иной колыбели!

Жизнь —

я знаю, мой мальчик! —

поступит с тобой, как со мною:

Раскачает —

от гор до морей,

от мороза до зноя,

Испытает надежность упрямого сердца и рук.

— Кто ты? —

спросит она.

И кому-то ответишь ты:

— Друг!

— Кто ты? —

спросит она.

И кому-то ответишь ты:

— Враг! —

Ты пойдешь на охоту —

пашлет она холод и мрак,

Изматает, в трех соснах закружит,

оставит без пищи —

И внезапно блеснет золотым огоньком

в темноте.

И тропинку положит к ногам.

И, на диво щедра,

Крепкой дружбой мужескою

тебя одарит у костра!

Это жизнь — все она! —

соблюдая закон поколений,

У могилы отцовской опустит тебя на колени.

Знаю: трудно.

И все ж заклинаю всей силой любви:

Сын мой, мальчик, меня обязательно

переживи!

Пусть в потомках

стократно разрез моих глаз повторится!

Пусть бессмертная жизнь,

как великое чудо,

творится!

А каким языкам тебя, мальчик, научит она!

Есть приятный и легкий язык Молодого Впна,

И земной, не стареющий, вечный язык

Молока.

И, конечно же, Хлеба —

священнее нет языка!

Обучайся, мой мальчик!

Но помни, что с давних веков

Посвист пуль — это тоже один из ее языков,

И еще не забыт он, язык тот недобрый.

Доныне

Часто жизнь пахнет Смертью

не только в безводной пустыне.

Видишь —

стелется дым от пожаров

по черной земле,

Язычки синеватого пламени пляшут в золе.

Жизнь, бывает, обманет

и ложью твой путь затуманит,

Но правдой жестокой

не меньше

по-своему ранит.

Чтоб тебя никакая беда одолеть не смогла,
Нужно жить человеком,

добро отделяя от зла,
Это трудное дело. Не всем по плечу
и по росту.

Но ведь я говорил же, что быть Человеком —
не просто.

На прекрасной земле
в наш нелегкий, ответственный век
Важно быть Человеком.

Будь счастлив, мой сын, Человек!

В БЕССОННУЮ НОЧЬ

Не уснуть мне этой ночью, вижу!
Глядя сквозь окошко в темноту,
Снова я тебя воочью вижу,
Мой товарищ, павший на посту,
На своем рабочем, на высоком,
Там в горах, в одну из непогод...

Вновь гощу я в доме одиноком,
Где тоскует мать не первый год.
Не привыкнуть матери к утратам!
А братишка, плащ мой теребя,
Вдруг назвал меня, как брата,—«братом»:
Я ему напомнил про тебя.

О тебе тоскует чистый, гладкий
Стол широкий — для трудов и дум,
О тебе тоскует каждой складкой
Выходной отглаженный костюм.
За окном неистовствует вьюга,
Мой недавний заметая след,
— Спи спокойно,— говорю я другу,—
Это нам, живым, покоя нет.

Уж не раз тревога дула в трубы,
Вспыхивали зарева вдали.
Ты не знаешь, друг мой, что от Кубы
Мы беду однажды отвели.
Ты не знаешь, друг, что во Вьетнаме
По земле, как разъяренный зверь,

Пробегало гибельное пламя —
И оно погашено теперь!..

Все, что совершается на свете,
Все, что совершается во мне,
Говоря с тобой в минуты эти,
Я острее чувствую вдвойне.

Холод стекол трогаю рукою,
Злится вьюга, воя и сипя...
Нет, нельзя мне думать о покое —
Я живу не только за себя!

ПИСЬМО НИКОЛАЮ РУБЦОВУ

...Эта горькая весть разминулась со мной,
И провел я весь день не грустя, не скорбя,
Потому что не знал я,

что шар наш земной
Продолжает кружиться —
уже без тебя.

У поэта Шатры в нашем отчем краю
Я в селе Каракол в это время гостил.
Вспоминали друзей,

пели песню твою:
«...И архангельский дождик
На меня моросил...»

В то село Каракол не идут поезда,
То село далеко
От проезжих дорог,
И стоит над селом голубая звезда,
Как в одной из твоих вечно памятных строк.
В эту звездную ночь

тих, пустынен Алтай,
Далеко на Тверском — наш родной институт.
Эх, Шатинов Шатра, велух стихи почитай,
Пусть замедлится бег торопливых минут!

Благодатного лета кончалась пора,
И уже, набираясь для осени сил,
Русским строчкам в горах подпевали ветра:
«...И архангельский дождик
На меня моросил...»

Помнишь, Коля, как съехались мы на Тверской,
Кто откуда, со всей бесконечной страны,
Помнишь долгие споры над чьей-то строкой
И надежды, которых мы были полны?

Мы росли,
становились умней и взрослей,
П сближались народы, сближались края.
По соседству с твоею
«Звездою полей»¹
«Ветка горного кедра»²
качалась моя...

Помнишь — мы по Алтаю бродили с тобой.
— Что за дивная сила в этой волне! —
Ты сказал о Катунь моей голубой,
И не скрою,
что это понравилось мне.

Полюбила тебя наших гор тишина.
— Я еще непременно приеду сюда!..—
Заверял ты меня,
и твоя ли вина,
Что теперь не приедешь уже никогда.

И не верится мне, что с тобою вдвоем
На земле, где ты голову гордо носил,
Мы уже никогда-никогда не споем:
«...И архангельский дождик
На меня моросил...»

¹ «Звезда полей» — книга поэта Н. Рубцова.

² «Ветка горного кедра» — книга Б. Укачина.

Душе всегда
Чего-то не хватает,
Не кровь — огонь
Летит, видать, по жилам!
Я в городе тоскую
По Алтаю,
По стойбищам зеленым,
По аилам.

Вернусь домой,
Где в серебре вершины,—
И вот уже
О городе тоскую,
Во сне я вижу
Улицы, машины
И тесноту людскую
Городскую.

Я так живу!
Я не могу иначе!
Спешу вперед
Упрямо и неробко,
И строчка,
Что вчера была горячей,
Сегодня —
Как исхоженная тропка.

Мне виден перевал —
За перевалом,

Иду, иду,
В своих уверен силах...
Я не могу
Довольствоваться малым,
Не кровь — огонь
В моих клокочет жилах.

СТИХИ О КОНЕ

Коня, коня алтайских отеческих гор!
Я с младенческих дней вам товарищем был.
Побродив и поездив по свету,

с тех пор
Много видел я, коня, но вас не забыл.
О игрушки мои — бабки диких косуль! ¹
В каждой косточке, помню,
я видел коня.

А позднее —
стремительней ветра и пуль —
Несоседлапный конь
нес мальчишку,
меня.

Там на каждой тропе —
ваш отчетливый след,
Там, на волны кося понимающий взгляд,
Утром коня из речек
пьют горный рассвет,

Вечерами
из речек
пьют горный закат.

Мы беседуем с ними
на «вы», как с людьми,
Уважительный, добрый обычай храня...
Но забыть не могу я — читатель, пойми! —
Как недавно
я в городе встретил коня.

¹ Бабки диких косуль — любимые игрушки детей на Алтае. Обычно в играх они обозначают различных животных.

Запряженный с утра, в след машинных колес
Он ступал тяжело.

Он дышал тяжело.

И пустые бутылки он в ящиках вез —
Громыхало,
звенело и пело

стекло.

Я в глаза поглядел мимоходом —

и вдруг

Убедился: не видят, уснули глаза!

Что приспилось тебе,

добрый старый мой друг!

Может, утро в горах

и на травах роса?

В такт кивая шагам, по асфальту бредешь,

Гул трамваев и запах бензина терпя...

О товарищ мой,

как на тебя я похож!

О, насколько же я не похож на тебя!

Просто жил отцом и дедом звался,
Людам верил и за много дней
Сердцем

с ложью

никогда не звался.

Потому, что не пуждался в ней.

Просто жил...

Неслышно мчались годы,

Множились морщины, и сейчас

Он лежит, прямой, длиннобородый,

С трубкой разлученный в первый раз.

Он с людьми сегодня расстается,

Не вздохнет и не поднимет век...

Но в сердцах, как прежде, остается

Он,

земляк мой,

вечный человек.

СЛЕПОЙ ПОЭТ

Запрокинув лицо, без пальто, палегке,
По бульвару столичному тихо и строго
Он проходит —

и черная палка в руке,
Как фонарик, ему освещает дорогу.
Мы глядим ему вслед.
Мы глядим — и молчим.
Так с рожденья
без света

живет он на свете.

Не видал он родных материнских морщин,
Солица, неба
И собственных строчек в газете.
Но стремительной жизни зовут голоса —
И на них откликается сердце.

И резче

Прорезаются
в кончиках пальцев

глаза,

И становятся видимы люди и вещи.
Видят клейкие иглы на ветке сосны,
Видят старого клена морщинистый панцирь,
Видят нежную руку любимой жены,
Эти чуткие пальцы, волшебные пальцы.
Кто придумал, что звезды ему не горят?
Он их чувствует кожей!

Без потоков фальшивых

Набежавшие ветры ему говорят
О цветах, магазинах, дорогах, машинах.

Он не станет слезу проливать над собой,
У него, человека, решительный поров:
Разругавшись однажды с неправой судьбой,
Больше с ней не желает иметь разговоров!
Черной тряпкой глаза повязав поутру,
Захотела смирить человека?

Не выйдет!

Зрячий сердцем, поэт не приемлет игру
В эти подлые жмурки!

Он хочет — и видит!

О, взгляните же в это лицо наконец,
Осторожные люди, на чувство скупые:
Если видеть, как зрячий, умеет слепец —
Стыдно зрячим ходить по земле, как слепые,
Вот смотрите сюда: без пальто, налегке,
По бульвару столичному

тихо и строго

Он проходит —

и черная палка в руке,
Как фонарик, ему освещает дорогу...

ГОЛУБОЙ ЦВЕТOK

Где же ты, мой голубой цветок,
Где же ты, бессмертие мое,
Корень счастья, поисков итог,
Пламени живого острие?

Я ищу не первый год подряд.
Где же лепестки твои горят?
Ты отводишь горе, говорят,
Юность возвращаешь, говорят!

Не цветешь ты в комнатном тепле.
Не даешься в руки за рубли.
Сколько смелых на пути к тебе
Снежные лавины погребли!

И поныне этот путь не прост.
Торопясь к тебе, моя мечта,
Я спугнул немало тихих звезд,
Мирно спавших на краю хребта.

К тем вершинам, где живут орлы,
Вновь спешу я пынче за тобой.
Где, в какой расселине скалы
Ты расцвел, цветок мой голубой?

Может, с наковальни кузнеца
Ты дымком поднимаешься к звезде?
Может быть, взойдешь, томя сердца,
В этой строчке, словно в борозде?

Корень счастья, поисков итог,
Пламени живого острие —
Отзовись, мой голубой цветок,
Отзовись, призвание мое!

Восходят в гору старпки,
И пожилые, и подростки
Вязать цветные лоскутки
К растущей на горе березке.

Так повелось у нас, таков
Обычай, созданный не нами,—
Обычай этот в глубь веков
Уходит далеко корнями.

Когда-то, привязав цветной
Лоскут к какой-нибудь из веток,
Общался с горным духом мой
Широкоскулый дальний предок.

Просил он, в общем-то, одно:
Чтоб дух ему не делал плохо,
Чтоб дух покладист был... Да, но
Теперь-то ведь не та эпоха!

Ни в злых, ни в добрых духах гор
Теперь-то мы не верим вроде.
Так почему же до сих пор
Обычай этот жив в народе?

Да потому он жив в наш век,
Обычай этот, что и ныне
Природу-мать чтит человек
Превышне всяческой святыни.

Я на землю раз прилег весной.
Правотой своей извечной правы,
Вспарывая с треском пласт земной,
Словно сабли, поднимались травы,

Вкруг меня, вблизи и вдалеке,
Лезли, торопливы и упрямы,
Льнули, чуть шершавые, к щеке
И меж пальцев прорастали прямо.

И простые первые цветы,
В городах известные едва ли,
В неизбежной жажде высоты
Топенькие стебли выпрямляли.

Верли светло и горячо,
Радостные стряхивая слезы,
И цвели — не знавшие еще
Ни дождя, ни ветра, ни мороза.

Мир лежал в сиреневом дыму,
И, сказать по правде, был песносен
Мне мой скучный жребий — одному
Знать о том, что есть на свете осень!

ИЗБУШКА МОЕГО ДЕДУШКИ

Изба состарилась весьма
И набок наклонилась,
От стен обмазка из назьма
Отстала, отвалилась.
Нет стекл в окнах, крыши нет.
Все пусто... А когда-то
Здесь жили бабушка и дед
Ни бедно, ни богато.
С хозяйством маялись они,
Детей своих растили.
Здесь были радостные дни,
Безрадостные были.
Из близких и из дальних мест
Обширного Алтая
Сюда вели своих невест
Сыны их, вырастая.
Как весел свадебный был той!
Все на кошмах сидели
И песни ночью золотой
В честь новобрачных пели.
Сюда по многу раз в году
Толпой и в одиночку
Сваты ходили сватать ту
Или иную дочку...
Нет деда с бабушкой в живых.
Непужная, пустая,
Стоит теперь избушка их,
Бурьяном зарастая...
И я здесь рос. Была война.

Ой, времечко липкое!

Отец на фронте.

Мать одна,

А нас у мамы — двое.

Потом нас дед забрал к себе,

Узнав про наши беды.

Так мы и стали жить в избе

У бабки и у деда.

Ну, летом — ясные дела:

Тепло. Зимой — похуже.

И нас избушка берегла

От холода, от стужи.

Она за шалости подчас

Журпла нас немножко,

Она кормила вкусной нас,

Из погреба, картошкой...

Нет деда, бабка умерла.

Мы, внуки их и дети,

Большие делаем дела

Теперь на белом свете.

Но разве кто из нас забыл,

Что началась дорога

От этой низенькой избы,

От этого порога!

Нет деда с бабушкою. Жаль.

Изба стоит, горбата.

Стоит она и смотрит вдаль

Слегка подслеповато.

Глядит она в ночную тьму,

Печалась временами

Иль тихо радуясь всему,

Достигнутому нами.

Мы ей поклонимся не раз,

Избушке старой, милой,

За то, что вырастила нас

И наделила силой.

На тебя загляделся Алтай,
Ты на диво светла и юна.
Ты — как горный цветок — тапалай,
Ты — как птица тайги — агуна.

Вдоль таяжных грохочущих рек
Ты проходишь в одежде простой,
И лицо, словно выпавший снег,
Дышит нежностью и чистотой.

Ты выводил отару в луга,
А когда золотые, с каймой,
Запылают огнем облака,
Возвращаешься с нею домой.

Где-то полночь ступает, темна,
По следам отшумевшего дня.
Ты не слышишь ее. Ты одна
Тихо с книгой сидишь у огня.

Ах, как хочется все повидать,
Побывать далеко-далеко!
Но больна твоя старая мать —
И прожить ей одной нелегко.

Пробудилась тайга. Облака,
Розовея, проходят над ней.
Начинается день, как река,
Что летит, грохоча, меж камней.

Ты еще не проспнулась?.. Вставай! —
Плещет в берег, волнуясь, волна.
Ты — как горный цветок — танталай,
Ты — как птица тайги — агуна.

Осень.
Пусто в горах.
У бегущей воды —
Хоть еще не застыла —
стада не теснятся.

Их прощальные,
вмерзшие в землю
следы

**Под покровом снегов
до весны сохранятся.**

Старый кедр недовольно шумит на ветру.
Все березки стоят беззащитны и голы.
Смотрит в юрту бродячий туман поутру —
Ня души.

И скучают, как женщины, горы.
Словно вдовы стоят неподвижно-тихи,
А кругом, по долинам — ни слова, ни смеха.
— Эге-гей! — я кричу. — Где ж вы все,
пастухи?!

— Эге-гей!
Эге-гей! —
откликается эхо.

УТРО МОЕЙ ПОЭЗИИ

1

**Сладок утренний сон,
 как младенцу —
Материнской груди молоко.
Вроде спишь — и не спишь.
 Вроде слышишь —
И не слышишь. И дышишь легко.**

Но сегодня я слышу спросонок:
На дворе спротинка — теленок
Той коровы, что пала вчера,
Так печально мычит, словно плачет...
И всплывает в душе,
возникает,
маячит
Пезабывтого детства пора.

2

Осень. В поле пустынно и дико.
Лес, листву оброливший,
 стоит неподвижный, немой.
Побурели долины вокруг моего Каярлыка.
Хоть еще ни снежинок — откуда-то пахнет зимой.
Паутинки висят, серебристы и чутки.
Птицы к югу летят косяком.
Мать, печально вздохнув,
 подшивать начинает обулки:
— Хватит бегать, сынок, босиком!

Как не хочется мне подниматься с постели!
 Под овчиной свернувшись, остаточный сон берегу.
 Слышу матери голос:

— Встань, сынок! Все поля побелели!..
 Снег. И зайцев следы на снегу.
 Как просторно, светло!

Острых слок чернеют верхушки,
 Достигающие до облаков.
 В лес пойду,
 буду ставить ловушки
 Для хитрющих зверьков — колонков...

Все на свете проходит,
 по тропкам, долинам, полянам,
 И зима понемногу свое отскрипит.
 Под охотничьей лыжей,
 под полозом санным,
 Под мильонами лап и копыт.
 На рассвете прохладна подушка.
 Конь ржут за окном,
 возвещая рождение дня.
 — Встань, сынок! Слышишь — в чаще кукует
 кукушка!..—
 Мама утренним голосом будит меня.

Коли стану в себе разбираться —
 Что в истоках своих я найду?
 Ни певцов, ни сказителей славных, признаться,
 Не упомянется в нашем роду.
 Если ж все-таки стал я поэтом
 И звучит мое слово в дорогах, в трудах, на пирах,—

Я обязан судьбой

незабвенным рассветам,

Зимним, летним,

весенним, осенним рассветам,

Не закатам, не полдням,

а только рассветам

В наших добрых алтайских горах!

Если ж в горы, в тайгу не сманят меня,
У кого заночую на этот раз?
В каждом доме есть у меня родня,
Род телесов — мой род — в годах не угас!

Все, как есть, про жизнь мою расскажу,
Узелки печалей моих —

развяжу

И пригублю с открытой, чистой душой
Чашу дружбы светлую — чашочкой...

Каярлык!

Ступив на родной порог,

Отряхнул я пыль нездешних дорог!

Ты — глаза родных и друзей,

Ты — улыбка мамы моей,

Ты — мой первый младенческий крик,

Каярлык,

Каярлык,

Каярлык...

ЧЕРЕМУХИ

Дождь отшумел.
И над Амуром
хмурым
Открылся
неба солнечный клочок.
Черемухи прозрели над Амуром:
Ведь в каждой капле —
солнце, как зрачок!
Застенчивые дочери природы,
Вы так светло,
так нежно расцвели!
Ваш тихий шум
поймут без перевода
Влюбленные
на всех концах земли.
И я люблю.
Брожу и вспоминаю
О той,
что ждет
в далеком далеке,
И шорох ваш,
как шепот,
понимаю,
Алтаец —
на алтайском языке...

Моей матери

Раз проснулся я: луна
У дверей — такая робкая!
Показалась мне она
Нашей белою коровкою.

Точно так она ждала —
Без мычания, без жалобы,
Чтобы ты к ней подошла,
Подошла, приласкала бы.

...Ночь спиела, глубока.
Мне приснился голос матери
И парного молока
Кружка полная — на скатерти.

К. Т.

Если ты во сне увидишь,
Как сосна в росе искрится,
Знай, родная: это — слезы,
Те, что пролил я в тиши.
Если ты во сне услышишь
Дальний крик подбитой птицы —
Чутким сердцем догадайся:
Это зов моей души.

Если ты во сне увидишь:
На Семинском перевале
Снег не к сроку выпал — значит,
Поседел в разлуке я.
Если ты во сне увидишь
Белый путь, бегущий в дали,—
Значит, встретимся не скоро,
Непаглядная моя.

Если ты во сне увидишь
Тихий холм моей могилы —
Не пугайся: это — к долгой
Жизни, говорят, как раз.
Если ты во сне увидишь,
Что очаг наш загасило,—
Ты не верь! Возможно ль, чтобы
Жар любви моей угас!

Женщина расчесывала ночь,
Стоя перед зеркалом.

А мимо

Проходило солнце.

Ах, к любимой

Приласкаться и оно не прочь!

Сквозь окошко потянулось косо,

В пряди позапуталось густой...

И вплела

моя

родная

в косу

Тонкий-тонкий лучик золотой.

МОЙ КОСТЕР

На седловине, в час почтой,
Прилег я у костра.
Веду с тайгой и тишиной
Беседу до утра.

И сердце, мнится, у меня
Горит, как тот костер,
А больше в мире — ни огня
На весь ночной простор.

И чувство — будто бы вот-вот
В осенней тишине
Сойдутся люди всех широт
На зов костра, ко мне...

Уеду я, уеду я,
Уеду в дальние края,
На самый край земного круга,
Хочу изведать белый свет,
И пусть за мной стремятся вслед
И взгляд врага и слово друга!

Но в стороне, друзья, любой
Клянусь вам быть самим собой,
Таким, как вы меня знавали,
Останусь честным и прямым,
Вдыхать привычный горький дым
Костра на горном перевале!

На полуправду-полуложь
Не соглашусь, хоть в сердце нож,
А если спор возникнет шумный —
Не стану мяться в стороне,
Чтобы сказали обо мне:
«Какой же он благоразумный!»

И потому в любом краю,
Где я свой лагерь разобью,
На каждом трудном повороте
В счастливый час и в горький час
Друзья, похожие на вас,
Придут ко мне в конечном счете!

Уеду, милые друзья,
Уеду в дальние края,
Надолго с вами я расстанусь,
Но в край любой и в путь любой
Я сам себя возьму с собой.
Самим собой везде останусь!

Вблизи села, в кладбищенском логу,
Брожу среди могил.
О, многих здесь припомнить я могу,
И многих я любил!

И не поправить тут, и не помочь:
Их дело — решено.
Их вечная сейчас объемлет ночь,
Теперь им все равно.

Идет ли дождь, хорош ли урожай
На их полях родных...
Им ничего теперь уже не жаль,
Нет радостей у них.

А мне еще на свете долго жить
(Надеюсь, это так!),
И много песен солнечных сложить
(Надеюсь, это так!),

И на ноги поставить сыновей
(Ведь у меня их — два!),
И, может быть, услышать от людей
Хорошие слова.

Ах, в милой жизни, шумной, как река,
Пьянящей, как вино,
Хочу успеть побольше я, пока
Мне станет все равно!

Как бы ни пели мы, способность петь
Для каждого из нас большое благо,
И что бы с миром ни случилось впредь,
Останется и слово и бумага.

И ныне порожденная строка
Моей заветной песни невеселой,
Ты будешь ли достаточно легка,
Чтоб превозмочь столетний груз тяжелый?

ДОРОГА И МЕЧТА

Куда бы ни шел, в какие
Меня ни влекло места —
Всегда впереди дорога,
Всегда впереди мечта!

Всегда впереди дорога —
Извилиста или пряма —
До синего горизонта,
До рощицы, до холма.

Но там, за холмом пологим,
За желтым вихром куста,
Опять впереди дорога,
Опять впереди — мечта.

А я все тянулся в дали,
Раскидывая умом:
А что там за горизонтом,
За рощицей, за холмом?

Но как бы ни торопился,
За далями даль чиста,
Бежит впереди дорога,
Бежит впереди мечта.

Все ж до сих пор надеюсь
Желанное обрести:
Постигнуть свой век. И время
Хоть раз обогнать в пути!

Но, может быть, так и надо,
И песня бессмертна та:
Всегда впереди дорога,
Всегда впереди мечта!

Земля синего
неба

МОЯ РОДИНА

Откуда я родом?

Из весны.

Поля распарены, утомлены.

Пар валит со снпны

Земли.

Каждый росток, корешок,

Как жила-кровь,

набирает сок.

Набрали — и вверх пошли.

Слабенькая — едва жива — трава

Пробьется на белый свет.

Ее потрясет небес спнева.

Ей солнце пошлет привет.

Кудрявые ягнята,

Длинноногие жеребята

По-своему тоже очень рады:

Делают первые в жизни шаги.

Можно всегда заржать: «Помоги!»

Пли проблеять: «Помоги!»

Озабоченные матерп рядом,

На сочной траве под солпечным взглядом.

Солнце светит.

Травы сочны.

Откуда я родом?

Из весны.

Нет,

я все-таки родом из лета.

Скот благоденствует,

Люди довольны,
Знают, кормов будет довольно
И скоту на джайлау привольно.
Овца блеет.
Гора зеленеет.
Конь ржет.
Солнце жжет.
А люди поют песни.
На дальних стоянках — запах молока
И чуть заметный дух кизяка.
Огромные чаши с айраном¹ стоят,
Щемящие запахи трав таят.
Конечно,
Моя родина — это
Такое вот лето!..

И все-таки родом я из осени.
Навьюченные грузовики
медленным цугом
Двигутся друг за другом.
Тракт, как пояс,
стянул хребты.
По кольцам тракта
вдоль высоты
Машины
С утра до утра
сигналят.
Шоферы
отдыха
не знают.
Уже в осенних ливнях
Тоскуют о лете лог¹
И кое-где в долинах
Чернеют стога.

¹ Айран — квашеное молоко.

Пастухи, оседлав лошадей,
Посадив

за спину

своих детей,

Спускаются с гор,
Переваливают перевалы,
Белопенные реки переходят вброд.
Это путешествие их приведет
В деревню.

Пастух сыновей в школу сдает
И тем же путем домой идет.
На новых кошмах возле юрт
Сидят деревенских старушек гурт:
Провожают журавлиный косяк,
Слабыми руками машут вслед,
Кричат: «Элем-селем!
Элем-селем!»

И обсуждают так и сяк,
Что бабьего лета больше нет,
Прошло совсем,
Ушло совсем,
Осталось за дальним поворотом.
Конечно,

я из осени родом!

Нет, только зима, она одна —
Родина.

Травы спят.

Необычайно сини небеса,
А горы белы с вершин до пят.
Горы белы,

а поля белей.

Следы зверей видны вдалеке:

Сказки зверей,

Ногами зверей,

Написанные на зверином языке.

С кручи вниз

мимо меня

Мчится лыжня.

Куда, интересно, мчится она?

У белой горы

Белая спина.

На ней растянулась тишина

И заснула.

Если закапляюсь,

Если чихну,—

Обязательно вспугну тишину.

Но пока она висит на ветвях,

В снегах ее жилье.

Слышишь ее вздох,

Ее шорох,

Звяк,

Неслышимость ее.

Даже выстрел ее не разбудит,

Не вытащит из-под сна:

Кажется,

была, есть и будет

Одна тишина.

Только с кручи вниз

мимо меня

Летит лыжня.

А рядом — вторая лыжня.

Лети же и скорость набирай.

Только зима — мой родимый край!

Моя родина — мои шаги

От зимы до зимы.

От весны до весны.

Моя родина —

Мои стихи.

Читайте!

Вот они.

Я падал много раз:
 То споткнешься на ходу,
 То поскользнешься на льду,
 То наткнешься на беду.
 Я падал много раз.
 Благословляю те места,
 Где падал много раз.

Я плакал много раз:
 То мама грудь не давала мне,
 То я ее ждал в чужой стороне,
 От большого горя рыдал,
 От большой радости тоже рыдал.
 Словом, я плакал много раз.
 Благословляю те места,
 Где я плакал много раз.

Еще немало я проживу,
 Падать и ушибаться буду.
 Ветавать и подниматься буду.
 Возмущаться буду.
 Восхищаться буду.
 Еще немало я проживу.
 Благословляю те места,
 Где дорога моя пролегла.

В этот атомный век
Родила мать в январскую стужу меня.
Этот атомный век
Свои тяжкие грузы взвалил на меня.
А кормили меня
Мясом диких зверей.
А учили меня
Распознавню съедобных корней.
Я был маленьким мальчиком,
Невеличкою, малышом,
Когда наши отцы
Всем Алтаем сражались с врагом.
И покуда они
Не вернулись с войны,
Мне казалось, что избы
Быть слепыми и темными вечно должны.
Думал я: только бог
Может досыта хлеба поесть.
У него одного
Невозможно картофелин съесть.
Рафинаду я мог бы изгрызть
Два мешка.
Но ни разу мне сразу не дали
Два куека.
Были наши отцы
На кровавой войне,
Наши матери в поле
От зари до зари пропадали.

И военного вязкого хлеба
От зари до зари
Пожевать так хотелось мне!
Только ввозю ни разу не дали.
Радость — мать,
Что сегодня пораньше с работы пришла.
Счастье — заяц,
Что сдуру не заметил кашкан среди снега.
Неужели всегда будет мало еды и тепла,
Мало радости,
Мало смеха?
Много лет был отец
Ожиданьем и редким письмом.
Ты — малыш.
Ты — молчунь.
И не плачешь в страданье немом.
В этот атомный век
В январе меня мать родила.
В этот атомный век
Не хватало еды и тепла.
...Нынче снова январь.
Новый год.
Пусть всегда он проходит
Таким, каким нынче идет!
Люди! Видите — дом!
Люди! Видите — стол!
Люди! Видите — хлеб на столе!
О, какие прекрасные лица у тех,
Кто встречает свой праздник
В довольстве, в тепле.
Как шаги их легки!
Как их головы высоки!
Новый год.
Новый снег, и для всех — Новый век!
Я смотрю на своих сыновей,
Незнакомых с нуждой и тоской,

И уверенный в том,
Что их жизнь
Может быть лишь такой:
Мама рядом, нана рядом,
Праздник смотрит на них добрым взглядом.
В доме тесно от радости,
Песни, смех,
А на столе всякие сладости!
И так — всегда, и так — у всех.
Вот какая пошла удивительная детвора!
До чего же подходит ей наша пора.

ДЕНЬ ПАСТУХА

Сегодня ликует
 далекый аймак!
Оттуда, где осенью
 буйно маралы трубят,
Сегодня
 спускаются парни
 на лютых конях,
И захахи солнца и сна
 исходят от этих ребят.
И девушки едут,
 как летние звезды
 юны,
А бронзоволлцы парня,
 как снежные барсы,
 сплыны.
Без счета
 подковок
 они пстоптали стальных,
Сапог
 пзноспли за лето они
 без числа.
И вот они едут,
 омытые в тех родниках ледяных,
В которых зимой
 по ночам
 омывают планеты
 тела.
Очи понимают
 язык и обычаи скал,

предскажут погоду,

И каждый из них

КТО ТРАВУ

посочней и погуце

ПОД НЕБОМ ИСКАЛ

П облачный клок

за собою таскал.

Сюда не спускался по году,

Сегодня их праздник!

Сегодня им честь воздушным!

Но вот они едут!

Скорее дорогу дадим,

За стол пастухов

на почетное место усадим

И рядышком сядем.

И вот уже древние,

СЛОВНО ЗЕМЛЯ,

старшкн

Шумят и галдят

наводобне горной реки:

— Наши колхозы победят!

— Нет, наш!

— У нашего колхоза аргамачи лучше! —

И. сбросивши шапки из облаков.

дальние горы

Внимательно слушают те разговоры.

А рядом

ШУМЯТ СИЛАЧНІ.

НЕ СТИХАЕТ ИГРА,

И рвется,

трелда под ногами, земная кора!

А вот — автолавки в людском окружении,

II деньги шуршат,

СЛОВНО ЛИСТЬЯ ОСЕННИЕ

или травы весенние.

Идет состязанье острот:

изощряются остряки,

Чей старше рождения год,

состязаются старики.

День пастуха,

День пастуха,

Веселый праздник День пастуха:

Песни и скачки и разговоры.

Пели и пили парни с гор,

С восхода солнца —

им снова в горы.

...Сегодня от имени всех,

кто в степях, в горах, в лесах,

Проню товарищей тех,

кто работает в календарях:

Пусть трудовые братья —

праздники труда и веселья

Примут в свои объятья, справят новоселье

Нового праздника — Дня пастуха!

ДОЧЬ ЧАБАНА

— Ты откуда явилась
На белый свет?
Нежней цветка,
Свежей ветерка,
То ли ты русалка — чудо речное,
То ли эхо лесное?

— Нет, я дочь чабана,
Мое имя — Чачак,
А у племени нашего имя — кыпчак.
Я алтайская девушка,
Дочь чабана..
— Ты, наверное, с синего неба
Сонла.

Ты русалкой, наверное,
В синей речке была.
Твои волосы —
Легкие тени ветров.
В твоём голосе —
Шепоты звездных миров.

— Я обычная девушка,
дочь чабана,
Но росла я у небом укрытых вершин
И со мной лунной ночью плескалась луна
По алтайским озерам глубоким, большим.
— Чьей звездой ты, красавица, станешь?
Чье ты счастье составишь?..

— Нет, я мамина дочь
И ничья не звезда,
И я дома не брошу,
Не уйду никуда.
А зовут меня Кисточка, по-алтайски — Чачак.
А у племени нашего имя — кыпчак.

ОСЕНЬЮ

Слышу топот белого конька:
Скачет, мчится

колышка вокруг.

Крыльями сшибая облака,
Журавли кричат,
Летят на юг.
Конь услышал журавлиный крик
И остановил свой бег на миг.

Может, вспомнил косяки в горах
И травы не рвет,
Грустит о них?

Почему он замедляет бег?
Почему он ржет, когда вдали
Крыльями замашут журавли?
Может, он грустит, как человек?

Слышу топот белого конька:
Скачет, мчится, травы шевеля.
Под его копытами,
легка,

Вкруг оси вращается земля.

Прежде чем с кола сорвется конь —
Журавли далеко улетят.
Прежде чем земля сойдет с оси —
Далеко уйдет наш род людской.

Останавливает конь свой бег.
И не кружится вокруг кола:
До него,
До гор,
До дол,
До всех
Музыка осенняя дошла.

Тайна осени,
Ее напев,
Музыка осенняя дошла.
Останавливается, присмирев,
А потом — опять вокруг кола
Кружит конь.
Над нами журавли
Боль свою несут, роют крик.
То ли хочет с ними улететь?
То ли просто провожает их?

ИСЧЕЗНУВШИЕ ПТИЦЫ

Вы, алтайцы мои!
О народ мой родной!
Помогите
 в раскрытии тайны старинной одной!
Говорят,
Что в каких-то далеких замшелых веках
Чудо-птицы летали в Алтайских горах.
Где они, эти птицы?
Быть может,
 их перестреляла война?
А быть может,
 другую бедою
Порода их истреблена?
Люди рассказывают,
На Алтае когда-то жила
Птица, именем — Кулады,
Но большая или маленькая была,
И какой был голос у ней,
И окраска —
 была ли печали черней
Или, может быть, снега белее была?
Неизвестно,
Но рассказывают,
Что когда-то вот здесь,
На Алтае жила.
Птицы нет Кулады,
А селение есть Кулады.
Там поют вечерами,
Дневные окончив труды:

«Нет скалы

среди скал,

Не садилась чтоб там

Кулады,

Я и года в веках не сыскал,

Где бы мы не узнали беды».

О народ мой родной,

Неужели ты счастья в веках не встречал?

Неужели таскал на плечах

Только горе, беду и печаль?

Расскажи мне, гора,

Расскажите, родные леса,

Про диковинных птиц,

Про расцветку пера,

Про веселые их голоса!

Люди сказывают:

Когда-то

Здесь росло и цвело

Птичье племя

по имени Дёльб.

Кто их гнезда зорил?

То ли град их побил?

То ли буря рассеяла их?

Но куда улетели птицы

именем Дёльб?

Почему их напев

в наших горных урочищах стих?

Что за птица была?

Зла?

Быть может, добра?

От нее не осталось

и маленького пера.

Ни пера не осталось,

Но имя — осталось.

Поедем в село,

Именующееся и теперь Дёльб.

Там живет моя мать,
Мы попросим, чтоб спела она
Про судьбу этой птицы,
Про сказочные времена:
«О, когда же окончится
ожидания час?»

О когда же наступит свидания час?
О когда же скажу
Осенит и согреет крыло
Птицы —

именем Дёло?»

Я опрашивал горы,
Спрашивал я леса,
Я упранивал синие небеса:
«Неужели исчезли даже следы,
Неужели навеки время прошло
Птиц по имени Кулады,
Птиц по имени Дёло?
Говорят, они гнезда здесь вили,
Кормили птенцов,
Говорят, что на этих деревьях
Цели,
Что в этой листве шелестели.
Неужели,

в конце концов,
Навсегда они улетели?

Неужели,
в чужой стороне,

Оперением блистая,
Вспоминать не хотят обо мне,
О просторах Алтая?
Неужели не снится, птицы,

родина вам,
Как вы родные снитесь?
Отзовитесь,
Вернитесь!»

ЖИЛ-БЫЛ СТАРИК

В моей деревне жил старик.
Сколько помню себя, он был стариком,
Седым как дым.
И я постепенно к мысли привык
(А также все, кто был с ним знаком),
Что он и не был молодым,
Всегда был стариком...
Он совсем не умел читать
И даже до десяти считать,
Но вся округа,
 весь район
Уважали его весь век
И были уверены, что он —
Удивительный человек.

Сколько в точности лет ему,
Было неизвестно никому,
Да он и сам не знал.
Говорил,
 что родился
 в год Кабана,—
А когда он был
 этот год Кабана —
Никто не знал.
Он любил коней,
И знал коней,
И рассудил,
 что ему верней
И солнечным летом,

И в зимней мгле
Как можно реже бывать на сесе,
Что лучше ему
проживать в горах.

При больших табунах.
Конечно, старик не бывал в Москве,
Но верил всей душой,
Что Москва это тоже Алтай,
Только самый большой.

Конечно, Ленива не видел он
Ни разу,
но был убежден,
Что если объехать
весь белый свет,

Умнее Ленива человека нет
И старше — тоже нет.
Конечно, счет не дался ему,
Старику,
но даже в зимнюю тьму
Не пропадала ни одна
Лошадь

из табуна.
Сколько бы старый ни валил
Кедровых шишек в мешок —
Поровну между внучат делил
И ошибиться не мог.

...Там, где вершина Маргалу,
Растет мохнатый кедр,
А под кедром стоял шалааш —
Он стоит и сейчас.
Прошлым летом в том шалаше
Умер добрый дед.
Одиноко, без друзей,
Встретил смертный час.

Нет,
но так!
Его охраняли кедры гордые,
Шептались о нем
с Алтаем родным.
Любимый конь
угрюмую морду
В тоске и печали
склонил над ним.
Как будто бы ничего не случилось.
Птицы
продолжали свой разговор.
Как будто бы ничего не случилось,
Ручьи звенели с гор.
Быть может, и в самом деле
Не произошла беда
И старик заснул в постели,
Как засыпал всегда,
Как сто лет назад,
Как пятьдесят,—
Старики ведь крепко спят.

Быть может, заржет кобыла,
Отставная от табуна,
И старик, как прежде было,
Восстанет ото сна,

Поедет по перевалам,
Чтобы найти и спасти,
Как будто не умирал он,
Как будто не кончил пути.

ЖЕНЩИНА ЖДЕТ РЕБЕНКА

Земля широка, земля зелена.
Над разнотравьем и многоцвьем
Дремлет отяжелевшее лето,
Бьет в поздри
Запахом трав, родным и чуждым.

Постелив узоры кошмы, близ юрты
Сидела молодая пастуха,
Что-то пела и что-то шила,
В глазах — ожиданье, забота, тревога,
Таинная грусть и тихое счастье.

Июнь, покачиваясь в воздухе,
Неторопливо ласкал природу
И карабкался все дальше и выше
В глушь тайги и в снега хребта.

Девушка почему-то застеснялась.
Меня заприметив,
Быстро спрятала то, что шила.
Знаете наших девушек!
Убрала пеленки и рубашонку,
Приданое будущего ребенка,—
Смутилась парня.

Огромное зеленое лето
Разбило стоянку на Алтае.
Острия хребтов режут на части
Синее небо.
Горы уходят в бесконечность.

Скоро взглянет на солнце
Своими бесчисленными глазами
Дикая смородина — до чего глазаета!
Скоро нальется кислотой
Приземистая клеица.
Темно-голубые шишки
Повиснут как пчелы,
Впившись в могучие лапы кедра.

Моя земля свергла иго
Льда и снега.
Ее заласкали солнце и лето.
Она утопает в травах.
Она тяжело дышит,
Словно сытая корова.
Наверно, она замечталась
О плодах и злаках,
Которые зреют и скоро созреют
В просторах полей и тенине чащобы.

Пастушка ожидает ребенка.
Черные глаза лучатся.
В быстрых пальцах
Пголка балует с блестками солнца.
Пастушка — в объятьях зеленого лета.
Они закутались в синее небо.

...Мне кажется,
Когда я это заметил,
Я впервые заметил,
Что земля и человек — похожи.
Оба — добрые.
Оба — щедрые.
Оба — красивые.
Я это понял и навсегда запомнил.

Мне кажется,
Когда я это заметил,
Я понял,
Что человек ждет хорошего,
И поэтому счастлив,
И поэтому,
Поскольку он прав, ожидая хорошего,
Он и есть разум земли.

СЫН УЧИТСЯ ГОВОРИТЬ

Со дня рождения
До смертного часа
Человек учится на человека:
Падает, как человек,
Встает, как человек,
И вновь шагает по земле — человеком.

Все его движения,
Все труды и дни —
Для того, чтобы стать человеком:
По-человечески улыбаться,
По-человечески плакать.

Чтобы стать человеком,
Большим, настоящим человеком,
Мой сын-несмышленыш
Учится говорить.

— Скажи, сынок, «папа».
— Скажи, сынок, «мама».
— Скажи: «Я не зверь».
— Скажи: «Я человек!»

Мой сын роется в песке,
Чтобы стать человеком.
А мой друг роется в бумагах
И копается в звездах,
Чтобы стать доктором наук.

У маленького сына
И у ученого друга
Очень похожая работа:
Сын учится распознавать
Запахи цветов и хлеба,
Друг учится слушать
Голоса далеких планет.

Со дня рождения
И до смертного часа
Человек учится на человека —
У чужих людей
И у своего времени.

Потому-то так похожи
Труды моегомышленного друга
И труды моего несмышленыша-сына:
Оба они без устали
Что-то для себя
открывают и открывают.

Эту ночь я проспал
 высоко в облаках.
 Мое ложе — гора.
 Грудь мою
 переполнили
 ветры тайги до утра.
 До утра
 шелестела трава о себе
 и деревья рассказывали о себе,
 о звериных делах и о птичьих делах.
 До утра
 сказки сказывались,
 до утра.
 Эту сказку нигде никогда не слыхала еще детвора.
 Где-то рядом мой конь
 до утра хрумкая травы свои.
 И уздечка его
 мне отделкой напоминала спинку змеи.
 Выли волки в округе,
 но я беспечально заснул,
 Потому что великие горы
 не снимали всю ночь караул.
 Никогда я так долго не спал
 и так сладко не спал.
 Никогда таким легким себя я не знал,
 таким бодрым не знал.
 Голубой парус неба
 раздулся во всю широту.
 Я прошелся, размялся,
 позвонки ломая хребту.

Подо мною внизу,
далеко-далеко от меня
Юным небом умылись
молоденькие зелены.
По логам и оврагам,
а их без числа на Алтае,
Пробирались бесчетные реки Алтая,
шумя и болтая,
Шумным стадом спускались,
снесли, как вены.
В этот миг возросли мои силы
внезапно, необыкновенно.
Захотелось мне так
рассмеяться,
расхохотаться.
Чтоб гора за горою
качнулись
и стали шататься.
До конца
в ликование
я бы стоял на своем,
Чтобы горные реки
ввысь брызнули
светлым дождем.
Даже солнце,
зерна счастья
посеявшее для меня,
Показалось мне птицей,
очень маленькой,
сцепленной из огня.
И словами поэта
я крикнул ему
что есть силы:
Бейся, красное сердце мое,
свети, огненное светило!

МЫЧИТ БЕЛАЯ КОРОВА

Слышу мычанье — п год забытый
Шевелится в моем теле.
Подзут ко мне с зеленых джайлау
Тягучие песни старухи Янчи.
...Белая корова, да, белая корова
Тогда гремела над всем Алтаем.
У нее умер белый теленок.
Белое молоко струило вымя.
Несчастливая корова рыдала.
Старуха Янчи сделала чучело,
Положила перед коровой,
Стояла молча и смотрела.
Белая корова, не уставая,
Гремела над всем Алтаем.
Вдруг она понохала чучело
И начала лизать и лелеять
Белое чучело, как живое.
Старуха Янчи подседа к корове
И запела.
Струя песни густой, тягучей
Ударила в землю.
(Может быть, старуха хотела
Смягчить горе коровы?
Может быть, она изливала
Свое горе —
Откуда понять мне, мальчишке?
Когда мычала белая корова,
Черное горе рычало над миром —
Такое тяжелое, что согнулись
Плечи земли под этим грузом.)

Люди говорили,
Что сыновья старухи
Далеко-далеко, в какой-то «Войне»,
Кровавом краю.
А где этот край,
Откуда понять мне, мальчишке?
Песню, похожую на рыданье,
Запевает старуха,
Только сидит к своей корове.
Мычит белая, белая корова,
А красный, красный закат вечерний
Дрожит, качается от мычанья.
«Если сыны мои будут живы,—
Запевает старуха,—
Будущей весной они вернутся,
Когда золотыми голосами
Кукушки запоют над весною».
...Много раз прилетали кукушки
И на ветвях качались.
Много раз уходило лето.
Но из кровавой страны «Война»
Не возвратились сыновья старухи...
Слышу мычанье — и год забытый
Шевелится в моем теле,
И давние песни старухи
Проплывают сквозь долгие годы,
Звонят печально и горько
И до меня доплывают.

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ

Интересно, растут ли спящие дети
Этой ночью весенней?
Интересно, стареют ли бессонные старцы
Этой ночью весенней?

Стройплощадки задремали в тишине,
И аилы утонули в черном сне,
И дороги заснули, и шоссе,
Овцы тоже задремали все.

Но река не прервала пути,
И деревья продолжают расти,
Дети тоже продолжают расти,
А цветы — цвести
Этой ночью, теплой, весенней.

Ясно все насчет цветов, шоссе, реки.
Но стареют ли ночами старики?

РАССКАЗ ОХОТНИКА

Осень. Ночь.

В горных высях воздух чист.
Первый снег, тихо кружась,
Падает, как бабочки, в костер.
Я и охотник Амыр,
Расстелив потники,
Лежим у костра, греем бока.
Костер трещит. Скалы во тьме
Похожи на спящих сов...
О чем задумался, Амыр?
Молчит, хотя не спит.
— Где завтра охотиться будем мы?
Каких зверей увидим следы?
Ведь белки в теплых дуплах своих
Заснули крепким сном.
Осень. Ночь.

Давно я в этих горах не бывал.
Давно под открытым небом,
Под звездами не почевал.
Вдруг
Дрогнула тьма.
Вскочил Амыр, и я — на ногах!
В протяжной темноте дерев
Послышался чей-то рев.
Бой идет.
Во тьме рычат.
Кустарники трещат.
Выстрела внезапный гром.
Это — Амыр. Потом — тишина.

Только тихий, тихий снег:
На осеннюю черноту
Надает первая белизна.
Амыр уселся на потник,
Поправляет костер головней,
Говорит:
— Да что ты дрожишь, словно тальник?
До сих пор не привык к тайге?
У тайги своя жизнь и свой закон.
Ты в тайге! —
Говорит мне он.
Утро.

Белая тишина.
Белым-бело.
Плечи гор замело.
Деревья стряхивают снег.
Под егорбленным тальником
Следы убегают вкось.
Мы чай вскипятили.
Мы выпили чай.
Мы оседлали коней.
— Что же было? —
Невзначай
Спрашиваю у него.
— Скажи,

почему фыркает конь
И в сторону берет? —
Амыр камчой стегает коня,
Заставляет идти вперед.
Почему?
Почему на белом снегу
Красный, кровавый снег?
Красный снег на белом снегу.
На красном снегу — марал,
Кто же его растерзал, разодрал?
Я понять не могу.

— Жалко. Жалко красавца гор.
Наверно, мирно дремал.
— Это снежный барс зану простер,—
Амыр мне отвечал.—
Таков кровавый закон тайги.
Его — не отменить! —
Потом Амыр на меня поглядел.
Вздыхнул,
Задумался он.
— Не только диких зверей удел
Этот кровавый закон.—
Стояла вечная тишина.
Белый снег. Красный снег.
Была у Амыра нога одна
Такая, как у всех,
И деревяшка вместо другой,
Потерянной в ту войну...
Шанку поправляя рукой,
Слушал я тишину.

Трещит мороз, скрипят снега,
Звонящим ветром ночь замело.
Люди начинают стога.
Саням от сена — ох! — тяжело.

В теплой кошаре спит овца.
Ей снится сон про корма.
Поэтому сани идут без конца,
Как ни скрипит зима.

Подковы звенят, стучат, гремят
По льду. Снега все белей.
Сена сладостный аромат
Вдыхают поздри полей.

Вот в такой морозный день
На снежной целине
Далеко слышны голоса
В безлюдной тишине.
Кто-то на передних санях
Песню затянул.
Звон высоких синих небес
К этой песне примкнул.

Сверкающий след вдоль зимы лежит.
Луна по санному следу бежит.
Санный поезд снега ворошит,
Шурша, подъем берет,
И вместо с ним моя душа спешит вперед.

ГРОЗА НАД ДАЛЕКОЙ СТОЯНКОЙ

Бесконечный дождь

Льет, льет,

Льет и льет.

И позавчера,

И вчера он лл,

И сегодня льет,

Льет и льет.

Над стоянкой небо

Тихое какое-то,

Серое какое-то.

А над юртой дым

Тоже серый,

Потихоньку тинется,

А потом терится

В сером небе.

Тихий стон грозы

Тянется к земле

Из глубин небесных.

Под мокрыми деревьями

Мокрые коровы.

Жалко их, болезных.

Дождь шуршит,

Дождь шелестит,

Листья задевая,

Травы обмывая.

В юрте на кровати
Маленькая девочка
Плачет и мечется
Не переставая.
Лицо у ней красное.
Огонь в очаге
Красный.
Все кругом красное.
— Мама, мама! —
Плачет девочка.
Больно ей, страшно ей.

Мать этой девочки — моя сестра —
Места себе не находит с утра.
Минутки покоя не находит,
Покуда девочка бредит,
То встанет, то сядет,
то из юрты выходит:
— Почему врач не едет? —
На месте минутки не посидит,
Все в сторону перевала глядит —
Оттуда
Из-за тумана
Вот-вот должны показаться
Верховые.

У девочки — испуганные глаза:
На землю обрушивается гроза.
Гроза стонет
Стоном долгим.
Девочка стонет
Голосом жалким.
— В целом колхозе нет врача, —
Ворчит сестра.

— Почему ты не учился на врача? —
Кричит на меня с утра.
Осенняя дорога нелегка.
Гонец, усакавший за врачом,
С вчерашнего дня не возвращается.
Нависшие над юртой облака —
Им, конечно, все пипочем —
Сыплют,
 сыплют дождь
 и качаются.

— Ветеринаров полно!
Зоотехников полно!
А врача просим давно!
Врача днем с огнем не найдешь!
Сколько ни ждешь —
 не едет! —
Между тем продолжается дождь.
Девочка бредит.
Во дворе корова мычит,
В небе грома кочуют,
А дворовая собака молчит,
Потому что врача не чует.
Тихо,
 только в траве и листьях
Слышно шуршанье дождя.
Сестра — растерялась.
То она дочку покачает,
То — на постельку положит,
А дождь свою песню —
 не кончает,
А девочка больше кричать —
 не может.

В хмурых горах
Над стоянкой далекой —
Такой одинокой —

Снова и снова
Стонет и стонет
Небо, покрытое тучами,
Снова гремит громами
Над кручами,
Над юртой,
Где моя сестра и ее дочка.

Годы долгие дома родимого я не видал,
Но разбужено сонное сердце мое по весне.
Поезда отбывают в вечерний закат или в дымную даль.
За собою зовут.

Пх гудки отдаются тревогой и болью во мне.

Надоело мне слушать веселенький перестук
И внимать на асфальте девичьему каблучку.

Я хочу услышать, как дрожит под кукушкою сук
И гора зеленеет,
Леса зеленеют,
Алтай зеленеет

от такого «ку-ку».

Добрым пахарем я согласился немедля бы стать,
На рассвете по пашне идущим с прохладой в груди,
Или птицей безвестной, но не устающей свистать
На тончайшей из веток,

лесной тишины посреди.

И когда сквозь толпу в городское ущелье иду
И дома, словно скалы, теснятся, мрачны и тихи,
Я кажусь себе мальчиком в девятьсот далеком году.

Погрузив свою кладь,
Позабыв меня взять,
На джайлау ушли пастухи.
Слишком долго я не был в местах, где родился и рос.
Но табунными гулами земли гудят,
и заржала весна,

Я ЖДУ УЛЕТЕВШЕГО БЕЛОГО ЛЕБЕДЯ

Жеребцы на черте.

Одномастные.

Без пятна.

В напряженье орлином

То касаясь, то не касаясь земли,

они мечут шаги.

А на солнце блестят,

будто смазанные бриллином,

Ждут начала байги.

...Выстрел их, словно стрелы, пустил.

Он гремит,

А они полетели,

облака из поздрей

непуская

И звезду за звездой

ударом копыт

Из камней высекая.

Я догнал их глазами.

Вослед им смотрю,

и в груди

Сердце юное

в такт их копытному стuku

колотится.

В мыслях я вместе с ними

лечу вперед, вперед,

Кровь крутым кипятком

в каждой жилочке

хороводится...

За четверкою черных лошадей

Вяжу:

четверо белых лебедей
Пролетают на небосклоне.
За четверкою лошадей скачу,
За четверкою лебедей лечу.

Что за лебеди!

Что за кони!

Не четыре лебедя в облаках,
А четыре всадника

ветер сбивают.

И белей не бывает их белых рубах,
Лебединой рубах —

не бывает.

Тем алтайским парням

гляжу я вослед.

Каждому — шестнадцать лет.

Ни один

не знает

слова «страх».

Все решили выиграть

скачки в горах...

Далеко-далеко

они ушли —

К горизонту, где небо коснулось земли.

Черные кони

как черные грачи,

а потом почти

как черные точки.

А белые лебеди

как снежинки почти,

как маленькие белые комочки.

...Вдруг как будто черный враг

выстрелил из-за угла и попал —

Упал черный грач.

Черный конь упал.

Застонала земля под ним, охнула.

Что-то в моей груди лопнуло.

Что случилось с тобою?

Где ты, мой брат?

Только что в ушах твоих ветер свистел.

Только что сам черт тебе был не брат —

Из седла вылетел, далеко отлетел.

Далеко отлетел

и свое — отлетал.

Черный конь над тобою встал,

Землю нюхает,

фыркает,

ржет над тобой,

Над тобой, белым лебедем,

белым лебедем,

бороздившим небосклон голубой.

Как шатается небо над твоими глазами!

Белый свет из тебя вытекает

со скупыми твоими слезами.

Все мне чудится: ты не остался

на черной земле,

на зеленой траве,

А, крылами взмахнув,

белым лебедем,

белым лебедем

исчез в сипеве.

Белый лебедь,

шестнадцать в тот год

тебе было, когда

Приключилась беда.

И шестнадцать прошло,

и, не веря в беду,

До сих пор тебя жду,

белый лебедь,

белый лебедь,

белый лебедь.

Может, было тогда мне известно,
Что я рано лишуся семьи,
Может, в зыбке мне было тесно?
Мир позвал на просторы свои?

Тихо спи,
Ничего не бойся.
Успокойся,
Доверься мне!
Ничего на свете не бойся!
Тебе незачем плакать во сне!

Вечером не умирайте,
Люди, прошу я вас:
Детям будет страшно.
Будут плакать всю ночь.
Зимою не умирайте,
Люди, прошу я вас:
Мерзлую, твердую землю
Тяжко долбить, псевмочь.
Утром не умирайте,
Люди, прошу я вас:
Как же так, вы уйдете,
А солнце взойдет без вас.
Утро — начало дела.
Утро — начало пути.
Как, не закончив работы,
Сможете вы уйти!

Не умирайте, люди, утром, пожалуйста!
И вообще
Никогда,
Никогда не умирайте, люди!

Эхо вечного
Алтая

* * *

— Звездное небо! — взывал кайчи. —
Звездным словам меня научи!
— Но для чего же тебе они?
— Людям отдать, — отвечал кайчи.

* * *

Пусть в изголовье камень твердый, гладкий,
Коль он с Катуня — спится хорошо!
В крови своей Катуня ропот сладкий
Услышишь ты —
и сердцу хорошо...

* * *

В крови своей услышать гул Катуня,
И в отчий край тебя он позовет.
Лежит в кармане камешек с Катуня —
Он по-алтайски в грустный день споет!

* * *

Дайте мне, эй, аргамака-коня,
Горы алтайские дайте мне!
Если это есть у меня —
Все остальное придет ко мне...

* * *

Здесь, где кунол родимого неба высок,
В трудный час был нам сладок и черствый кусок.
Там, где воздух чужой и чужие цветы,
Самым жирным куском не насытишься ты!

* * *

Алтайским вереском набью
Дорожную суму,
В дорогу дальнюю свою
С собой ее возьму —
И буду тем в пути богат:
Родного края аромат
Я в путь с собой возьму...

* * *

(Из прошлого)

Бедняка от Богача
Добрый копь не отличит:
Ты — бедняк, но ты — джигит,
Он стрелой тебя помчит!

Богача от Бедняка
Верный пес не отличит:
Ты — богач, но ты — чужой,
Он сердито зарычит!

* * *

(Из прошлого)

Слыша песню Весны, речек звонкую речь,
Как живая, сама шуба спрыгнула с плеч.
Вой заслыша Зимы в хмурый, пасмурный день,
Сам собой затянулся потуже ремень!

* * *

(Из прошлого)

Говорили прежде: сынок,
В байском доме высок порог,
Береги не поги, сынок,—
Лоб, входя, не разбей, сынок!

* * *

(Из прошлого)

Где жилище Голода, ответьте?
В юрте бедняка!
В той стране, которой нет на свете,—
Счастье бедняка!

* * *

Ходили в небе коршуны кругами,
И каменная баба на кургане
Спросила вдруг на языке моем:
— Кто ты?

— Алтаец...—

И заплакал камень
Слезами счастья:

— Значит, бой с веками
Ты выиграл? Так, значит, мы — живем?

* * *

Струны те, что искусному служат кайчи,
Могут сами играть и звенеть, говорят.
Те слова, что пронеты искусным кайчи,
Могут сами пожар потушить, говорят.

★ ★ ★

Бывает так, что спит народ,
Но бодрствует Поэт.
А может быть наоборот?
Мудрец ответил: нет,
Тем непробудней спит народ,
Коль спит его Поэт...

★ ★ ★

Эти ясные звезды в ночной синеве,
Несомненно, с цветами земными в родстве:
Закрываются к ночи устало цветы —
Начинают созвездья сиять с высоты,
А устанут созвездья сиять с высоты —
Раскрываются снова земные цветы.
Эти ясные звезды в ночной синеве,
Несомненно, с глазами людскими в родстве:
Утомленные люди закроют глаза —
Вспыхнут звезды, любая — чиста, как слеза,
Смеркнут звезды (любая — чиста, как слеза) —
Отдохнувшие люди откроют глаза!

★ ★ ★

Лунный свет земли коснулся
чуткими лучами,
Добрый конь звезды коснулся
чуткими ушами...

★ ★ ★

Эти яркие звезды в ночной вышине
Двадцать раз пересчитывай — меньше не станет.
Черногривых коней у себя в табуне
Двадцать раз пересчитывай — больше не станет.

* * *

Зменный яд змею другую
Не убивает.
Одна звезда звезду другую
Не затмевает.

* * *

Посреди суровых гор Алтая
Маленькая плавает луна.
Или то чабанка молодая
С маленьким фонариком, одна,
Бродит по горам, тропу теряет,
В сумерках отару собиравает?..

* * *

Али отцовский. Вижу, глаз прищуря,
Луну сквозь щелку в кровле из коры.
У очага лежу на бычьей шкуре —
И дух мой рвется в звездные миры!

* * *

Млечный Путь среди ночного мрака
Тянется, как дымная река.
Так за мной, по следу аргамака,
Пыль встает, прозрачна и легка...

* * *

Я один. То ли слышится лепет воды,
То ли в сердце тоска что-то шепчет невятно.
Эх, была бы дорога до ближней звезды —
На коне проскакал бы туда и обратно!

* * *

Небо — словно сжатые поля.
Звезды — как просыпанные зерна.
Поздний час. Осенняя земля.
Одиноко. Ветрено. Просторно.

* * *

Долины тихий сумрак наполняет.
Спжу в апле — сильный, молодой,
И тонкий луч меня соединяет
Сквозь щелку в кровле — с голубой звездой.

* * *

Где пожар гудел в лесах Алтая —
Все опять сегодня зацвело.
Не боится зелень молодая
Черных мест, где пламя проползло!

* * *

В майском небе нынче вновь
первый свежий гром,
Словно первая любовь
в сердце молодым.

* * *

Только б не гас твой очаг земной,
Только бы дети сидели вокруг!..
Солнце приходит вслед за Луной,
Свет прибегает следом за Тьмой —
Все образуется, друг!

★ ★ ★

Конекный череп лежит
В белом поле, в сиянье заката.
Конекный череп твердит:
— Был п я пноходцем когда-то!

★ ★ ★

Белый череп в поле диком
О минувших днях молчит.
Из глазниц зеленым криком —
Погляди — трава кричит!

★ ★ ★

Что черней, чем почти самые густые?
Лишь одно: глазницы черепа пустые.

★ ★ ★

Руками землю — не обнять,
На плечи землю — не поднять.

★ ★ ★

Не думай над старым кресалом,
что новое нужно искать:
По-прежнему яркие искры
способно оно высекать!

★ ★ ★

Камню река говорит: «Побежим!»
Камень в ответ говорит: «Полежим...»

* * *

Сколько в небо ни стреляй —
Не прострелишь, так и знай.

* * *

Благородный цветок улыбается мне.
Кто взрастил его? Солнце взрастило.
Грубый куст, что в одежду вцепляется мне,
То же самое солнце взрастило...

* * *

Сын мой, цветы расцвели
От любви к солнцу,
Зачахли, склоняясь до земли,—
От любви к солнцу.

* * *

Как осенний журавль улетает, крича,
Умер друг мой, поэт, догорела свеча.
Как лесного пиона цветок по весне,
Новый друг со стихами приходит ко мне.

* * *

У степей — широкие объятья,
Стойка у Скалы — крепка всегда.
Степью и Скалой хотел бы стать я:
В мире есть и дружба, и вражда.

* * *

Помни, сынок:
Лучше, когда отдыхает в ножнах
Острый клинок.

★ ★ ★

Присуще Небу — высоким быть.
Присуще Горам — высокими быть.
А что присуще тебе, Человек?
Тебе присуще Высоким — жить!

★ ★ ★

Твори добро, не требуя награды,
Не тем прекрасны добрые дела:
Всю жизнь свою Иголка шьет — и рада,
Хотя сама останется гола.

★ ★ ★

Пред Увечным и Калечным
Стыдно радостью хвалиться.
Знай: с Увечным и Калечным
Нужно радостью — делиться!

★ ★ ★

Накрепко, сын, усвой,
Что на земле порой
Слышит глазами глухой,
Видит сердцем — слепой.

★ ★ ★

«Как-то там Корни в безмолвных глубинах?»—
Листья страдают в почной вышине.
«Что там за шорох пронесся в вершинах?»—
Корни страдают в земной глубине...

★ ★ ★

Помни: завтра будет Завтра тоже,
Было и вчера свое Вчера.
Время с торопливой речкой схоже,
Вечность — как недвижная гора.

★ ★ ★

Если счастье захочет прийти —
Для него не зароешь пути:
Если дверь на засове пайдет —
С лунным светом втечет в дымоход.

Если счастье захочет уйти —
Ты ему не закроешь пути:
Если дверь на засове пайдет —
Вместе с дымом уйдет в дымоход!

★ ★ ★

Говорят, не знал ты в жизни слез!
Только в том ли счастье, вот вопрос.
Сам в себя тихонько погляди:
Может, камень у тебя в груди?

★ ★ ★

Глянув на седло да на подпруги,
Все алтайцы знают друг о друге:
Мастера искусна ли рука,
Сообщит седельная лука,
А какой ты, брат, хозяин — сразу
Это видно опытному глазу,
Стоит на подпруги бросить взгляд..
Ты молчишь — а Вещи говорят.
Кто сказал однажды, что от века
На Вещах — безмолвня печать?
Вещи — откровенней человека,
Вещи не сумеют промолчать!

* * *

О, неважно мне, сколько пойдет людей
Вслед за моим телом!
А важней мне, сколько пойдет людей
Вслед за моим делом...

* * *

Не сетуй, сынок, что дорога длинна —
На то и дорогой зовется она.
Дорога, сынок, не отцовский аркан,
Ее не свернешь, не уложишь в карман!

* * *

Мой сын, готовясь жить среди людей,
Одну простую вещь уразумей:
Козел не видит бороды своей,
Дурак не видит глупости своей.

* * *

Бессильная старость молчком подошла,
Под старость коню и узда тяжела,
Под старость и богатырю тяжела
Одежды его богатырской пола...

* * *

Кузнец, в огне железо нагревая,
На глаз его закалку познает,
Мудрец, хмельное в чарки подливая,
Гостей своих повадки познает.

* * *

Были друзьями пьянчуга, пока
В ташауре была арака.
Только лишь кончилась арака —
В драке намяли друг другу бока!

* * *

Людей на свете — без числа, без счета!
А иногда покажется: всего-то
Четыре человека под Луной —
Дурак и Умный,
Трезвый и Хмельной.

* * *

Злобный живи хоть в роскошном дворце —
Там не увидишь гонца на крыльце.
Лекарь живи в шалаше без крыльца —
Вечно у входа увидишь гонца.

* * *

Завистник — человек особый,
Об этом знают все давно:
На Солнце смотрит он со злобой
За то, что яркое оно,
Горе высокой и могучей
Завидует — на всякий случай,
Грозит с оглядкой и тайком
Своим ничтожным кулаком!

* * *

Долго-долго Трус кнутом махал,
Всем грозил — не тронул никого.

Намахался вдоволь — и устал.
Мы смеемся, глядя на него.

* * *

Вору вор, хвалясь, повествовал:
— Нынче, увидав, что я иду,
Спряталась луна за перевал —
Думала, должно быть: украду!

* * *

Лгун дивился: — За что меня люди корят?
Ведь нередко и сами они говорят,
Что от Правды до Лжи расстояние — пустяк.
Велка ли вина моя, ежели так?

* * *

Не думай, что секрет недобрый твой
В лесной глуши надежно будет скрыт:
Звезда толкует ночью со звездой
И с кедром кедр негромко говорит.

* * *

Одни лишь камни да сухие пни
Знать в мире не хотят своей родни.

* * *

Если хочешь, чтобы твой огонь
Никогда, вовеки не зачах —
В юрту сыпав уголек спеси,
В юрте сына разведи очаг.

У тебя лишь один подрастает сынок,
Он растет и не знает, что он о д и н о к,
Только помни, что быстро промчатся года,
Станет взрослым мужчиной твой сын, и тогда,
Чтобы брата пметь, одиноким не быть,
Будет надвое рад он себя разрубить!

Мир, состоящий из гор и морей,
Может прожить без тебя, Темпрей.
Мать, что с годами старей и старей,
Как проживет без тебя, Темпрей?

Ягненок скачет — и растет.
Ребенок плачет — и растет...

«Ах мне бы крылья, как птице, пметь!..»
Только ведь крылья и птице, заметь,
Не для игры беззаботной даны,
Не для парений бездумных даны!
Крылья у пей — чтобы пищу добыть.
Крылья у пей — чтобы жизнь сохранить.
За день, как ноги, они устают,
За день, как руки, они устают!

Не была бы матерью косуля —
Не пошла б навстречу верной пуле,

Ведь тогда бы сердце ей не мог
Щекотать охотничий манок.

★ ★ ★

«Здесь овцы шлп», — подумал волк у брода
И с жадностью лизнул при этом воду...

★ ★ ★

Повстречав медведя, не пугай
Тем, каков охотник твой отец:
Выручит тебя — твое ружье.
Твой летучий выручит свинец.

★ ★ ★

Видишь, на спине бурундука
Пять полосок можно разглядеть:
Говорят, в былые времена
Мапой приласкал его медведь...

★ ★ ★

Будь собака твоя даже снега белей —
Помни все же, что место ее — у дверей.

★ ★ ★

Лошадь красива в узде, под седлом,
Нес — на чеку, охраняющий дом.

★ ★ ★

Собака лежит на дворе,
А уши ее — на горе.

* * *

Трижды, трижды, трижды пропусти
Сквозь кольцо стремянное щенка:
Подрстет он — к твоему коню
Близко не подпустит чужака!

* * *

Щенка, лаская, не переласкай —
Чтоб в губы не лизнул тебя щенок.
Сынка, лаская, не переласкай —
На шею чтоб не сел тебе сынок!

* * *

Всего удивительнее — Человек,
Потом — этот мир: океаны и горы,
Потом — бесконечного неба просторы,
И вновь — Человек. И опять — Человек...

* * *

Добро и Счастье, Правда и Свобода...
Во имя их земного торжества
На языке и малого народа
Сказаться могут важные слова!

БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ РЕБЕНКУ

Пусть покуда телом ты слаб и мал —
 Вырастай скорее, сынок!
Будь быстрее зайца, будь крепче скал —
 Вырастай скорее, сынок!

Между лучшими звероловами
Звероловом ты лучшим будь!
Между лучшими острословами
Острословом ты лучшим будь!

Пусть мужчиной ты станешь — богатырем,
 Пусть крылатым твой будет конь,
Пусть в апле твоём, в очаге твоём
 Никогда не гаснет огонь!

Пусть притихнут бурные реки у ног,
Пусть вершины будут тебе по грудь —
О, да будет так, вырастай, сынок,
О, да будет так, Человеком будь!

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ ОГНЮ

В чаще сияющий,
Мрак разгоняющий,
Голодного — насыщающий,
Силы усталому — возвращающий,
Ярче, огонь, гори —
Маленькое, ручное
Солнце мое земное!

Мерзлое — размягчающий,
Сырое — в съедобное превращающий,
Сердце мое согревающий,
Лицо мое озаряющий,
Ярче, огонь, горн —
Маленькое, ручное
Соляце мое земное!

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ ТЕЛЕНКУ

Гуляя в стаде, вперед не рвись —
Угодишь в засаду, к Медведю в пасть,
Гуляя в стаде, отстать берегись,
Чтобы Волку в зубы вдруг не попасть!

Пестрый Теленок, расти скорей,
Будь всегда весел, всегда здоров,
Чтобы вышло из породы твоей
Много-много красивых, пестрых коров!

Красный Теленок, расти скорей,
Будь всегда весел, всегда здоров,
Чтобы вышло из породы твоей
Много-много красивых, красных коров!

Красный и Пестрый, сглазить вас не хочу,
И о том, сколь красивы вы, — умолчу.
Да будет много скота у моих дверей!
Да будет много детей возле юрты моей!

ЗАКЛИНАНИЕ МЕДВЕЖЬЕЙ ГОЛОВЫ

Я, охотник Аднай, сын Туймеша,
В заповедных горах вырастая,
Никогда, клянусь, не стремился
Истребить всех зверей Алтая.
И медведя с целью убийства
Не преследовал никогда я!

Повелитель всех зверей Алтая,
Дедушка Медведь!
Разве чем прогневал вас когда я,
Дедушка Медведь?

Разве мало в пищу вкусных зверей
Вам давали леса Алтая?
Разве мало орехов роняли с ветвей
Перед вами кедры Алтая?

Для чего же съели вы у меня
Моего охотничьего коня?
Для чего, от жилья моего вдали,
Путь мой первым пересекли?

Почему вы так ожесточились:
Может, испытать меня хотели,
Думали: не женское ли сердце
Прячется в мужском могучем теле?

Думали: а вправду ли метка
У меня, охотника, рука?

Повелитель всех зверей Алтая,
Мудрый, уважаемый Медведь!
Повелитель всех зверей Алтая,
Грозный, почитаемый Медведь!
Вашу голову большую
На живой огонь кладу я —
Пусть насытится Батюшка-Огонь!

Вашу голову большую,
Вашу голову святую
Я не перешагивал отнюдь!

Значит, дух ваш возродится,
Пусть он в горы возвратится
Рассказать зверью и птице,
Что Аднай, охотник, сын Туймеша,
Наставленья предков не забыл!

Пусть убийство мудрого Медведя
Не зачтется мне виной:
Не виновен я перед Медведем,
Он был виноват передо мной!

Чёк, чёк, Батюшка-Огонь!
Чёк, чёк, Батюшка-Огонь!

Если пришел ты с нылающей головой —
Первым пускай пламя тебя сожрет!
Если пришел, жадюга, ко мне с войной —
Первой пускай юрта твоя падет!

Пусть мне поможет Ульген, добр и велик,
Правду мою отстоять, выиграть честный бой,
Пусть из глубин земных выйдет злобный Эрлик
И в вековечный мрак тебя унесет с собой.

Пусть я увижу в бою
Жалкую спину твою,
Конь твой, споткнувшись, пускай
Шею сломает свою!

Черный Ворон — Кускун —
Клюет глаза твои пусть!

Черная Пасть земли
Тело поглотит пусть!

Черная тяжесть земли
Ребра сломает пусть.

Чок, чок, чок база!
Пусть! Пусть! Пусть!

МОЛИТВА У КЕДРА

В белый шелк небесный одетый зимой,
В синий шелк небесный одетый летом,
Вечный кедр Алтая, зеленый мой,
Дай привал устроить на месте этом!

Величавый, стройный, стой, процветай,
Пою под ветром, как живая струна.
Родина у нас одна — Алтай,
И судьба с тобой у нас — одна.

Средь сплетенных с небом ветвей твоих
Добрые птицы пусть почлег находят.
У сплетенных с землею корней твоих
Добрые люди пусть почлег находят.

Наши начала — из общих недр,
Родина у нас одна — Алтай.
Пожелаю мне счастья, брат мой старший, Кедр,
Честному охотнику удачи дай!

МОЛИТВА, ОБРАЩЕННАЯ К ТОПШУРУ

Из лучшего дерева, из алтайского кедра
Тело твое сделано, мой звонкий топшур,
Из волос аргамака, который быстрее ветра,
Две струны твои сделаны, мой звонкий топшур.

Зазвени, запой, повинуюсь моей ладони,
Зазвучи, повинуюсь некусным пальцам моим!
Как по дорогам Алтая крылатые кони,
Пусть помчатся песни по длинным струнам твоим!

Пусть меня посетит в эту ночь вдохновение,
Пусть меня соплеменники слушают до зари,
Пусть воскреснут в песнях минувшие поколения,
Башковитые, смелые богатыри!

Пусть на правом плече моем сядет, слушая, Солнце,
А на левом плече моем, слушая, сядет Луна,
Пусть былая мудрость с нынешним Знанием сомкнется,
Пусть перекликнутся дальние времена...

О топшур мой, я твой
Повелитель и раб.
Как могуч я с тобой!
Без тебя — как я слаб!

У огня, на подстилке из мягких шкур,
Пой, мой топшур, звени, мой топшур!
Пусть правда сверкает острее клинка,
Пусть песня прольется — как степь, широка!

РАДОСТИ АЛТАЙЦА

1

Люди, люди, радость большая:
Путь начав на земле Алтая,
Приглядеться к людям и странам,
Быть повсюду гостем желанным,
Не назойливым, любознательным,
За внимание к себе — признательным.
А услышав сердцем, как Время
Перелистывает страницу, —
Не спеша проститься со всеми,
Всем с достоинством поклониться,
Поклониться и улыбнуться,
О чужой порог — не зашпуниться,
В отчий край, на Алтай вернуться —
Люди, люди, радость какая!

2

Радость — каждый день глядеть на солнце,
Видеть материнские морщины...
Чувствовать себя чуть-чуть ребенком —
Это тоже радость для мужчины!

Радость — чай, заправленный талканом,
Одаряющий теплом и силой,
Пить из пиалы широкой, белой,
Со щербинкой памятной и милой.

Этот чай готовила родная,
Сдабривала травами Алтая,

Пить его, ладони согревая, —
Радость, люди.
Радость — и какая!

3

Радость — встретить старого друга,
В дорогие черты вглядеться
И увидеть друга не старым,
А таким, как в юности, в детстве!
Тут уж песни сами споются.
Слезы на глаза навернутся,
Грусть и радость в одно сольются,
Вышей радостью обернутся!

4

Не сердись на меня, подруга,
Я и эту радость не скрою:
Радость — встретить любовь былую,
Поглядеть в лицо дорогое,
Снова сердцем к ней потянуться,
Горькой радостью задохнуться...
Что мне делать, прости, подруга,
Мне вину отпусти, подруга,
Эта радость — во мне, со мною.
Я, мужчина, ее не скрою!

5

Радость, о радость, мои друзья:
Сын мой лицом — как в юности я!
Радость, о радость, мои друзья:
Метко стреляет мой сын, как я!
Радость, о радость, мои друзья:

Сын мой стреляет л у ч ш е, чем я!
Пусть в побежденных сегодня я —
Слаще победы радость моя!

6

Хорошо, если сытно мой скот зимовал
И на пастбище весело откочевал!
Но вдвойне веселее гляжу я на свет,
Если так же удачлив и добрый сосед.
Радость к радости — радостней сердцу вдвойне!
За двоих и поется, и дышится мне!

7

Радость — если вешний гром ударит!
Радость — час, когда отец подарит
Верное, бывалое ружье
И седло падежное свое!

Радость — свадьба дочки, свадьба сына!
Дважды радость, ежели притом
Не вдали — в тени родной долины
Рядом с отчим встал сыновний дом!

Радость — и неспешная беседа,
И добросердечие соседа,
И семья, в которой тишина
Глупой ссорой не осквернена!

Радость — конь, и звезды, и дорога,
И улыбка, и благая весть...
Радостей, как звезд, на свете много,
Хорошо, что их не перечесть!

Радость — Время, в какое пришлось мне родиться!
Радость — это возможность взлететь, словно птица,
С невеликого горного аэродрома —
П у Черного моря в тот же день очутиться
И бродить возле моря, как дома!

Или — в поезде, длинном, как зеленое лето,
Плавню, медленно мчаться по просторам планеты.
Или плыть на красивом большом корабле
От знакомой земли — к незнакомой земле,
Плыть — земные края для себя открывая,
Плыть, алтайскую песню свою напевая,
А в конце всех дорог
при алтайской луне
Вновь скакать
но знакомым горам
на коне!

Сын мой стреляет л у ч ш е, чем я!
Пусть в побежденных сегодня я —
Слаще победы радость моя!

6

Хорошо, если сытно мой скот зимовал
И на пастбище весело откочевал!
Но вдвойне веселее гляжу я на свет,
Если так же удачлив и добрый сосед.
Радость к радости — радостней сердцу вдвойне!
За двоих и поется, и дышится мне!

7

Радость — если внешний гром ударит!
Радость — час, когда отец подарит
Верное, бывалое ружье
И седло надежное свое!

Радость — свадьба дочки, свадьба сына!
Дважды радость, ежели притом
Не вдали — в тени родной долины
Рядом с отчим встал сыновний дом!

Радость — и неспешная беседа,
И добросердечье соседа,
И семья, в которой тишина
Глухой ссорой не осквернена!

Радость — конь, и звезды, и дорога,
И улыбка, и благая весть...
Радостей, как звезд, на свете много,
Хорошо, что их не перечсть!

Радость — Время, в какое пришлось мне родиться!
Радость — это возможность взлететь, словно птица,
С невеликого горного аэродрома —
П у Черного моря в тот же день очутиться
И бродить возле моря, как дома!

Или — в поезде, длинном, как зеленое лето,
Плавню, медленно мчаться по просторам планеты.
Или плыть на красивом большом корабле
От знакомой земли — к незнакомой земле,
Плыть — земные края для себя открывая,
Плыть, алтайскую песню свою паневая,
А в конце всех дорог
при алтайской луне
Вновь скакать
по знакомым горам
на коне!

ЧТО ПОЗОРИТ АЛТАЙЦА

1

Страшный позор! Горький позор!
Солнце, померкни! Затмись, мой взор!
Как же могло получиться так,
Что попрошайкой ты стал, земляк?
Или не кормит тебя твое
Метко стреляющее ружье?
Или тебя уж не носит конь?
Что ж ты протягиваешь ладонь,
Клянчишь, здоровый, грош на вино?
Сердце стыдом за тебя полно!

2

В зеркало, юноша, посмотри,
Раз посмотри ты, и два, и три,
Дважды и трижды стекло протри —
И на себя вновь посмотри!

В мире подлуном скитаясь, ты
Разве забыл, что алтасц ты?
Предков-алтайцев своих черты
Разве в себе уж не видишь ты?

Кровь кочевую, жаркую их
Разве не слышишь в жилах своих?
Как же случилось, ответь мне, брат,
Сын Чаги из рода алмат,
Что ты, живущий в горах родных,
Воду пьющий из рек родных,

Стал отрекаться при всех родных
От языка предков своих?

3

Юноша, эй, как же ты смог,
Только что выйдя в мир, за порог,
И ничего не видав пока,
Вдруг перебить речь старика,
Мудрого старца, из тех, кому
Знать приходилось и свет, и тьму,
Вместе с народом своим пройти
Трудные, радостные пути?
Как же его ты оспорить смог?
Стыдно мне за тебя, сынок!

4

Алтаец, брат, когда вознесся ты
До некоей житейской высоты
И возомнил: «Я выше, чем орел!» —
Но мудрости при этом не обрел,
Себя непогрешимым считаешь,
Товарищей своих не узнаешь,
Почет и преклонение любя, —
Алтаец, брат, мне стыдно за тебя!

5

Коль перед гостем ты закроешь дверь,
Земляк, мне стыдно за тебя, поверь,
Вдвойне стыжусь, когда при свете дня
По голове ударишь ты коня!

Хвалился, брат, какой охотник ты —
 А сумки снова у тебя пусты,
 Винишь коня, погоду и ружье...
 Ой, стыдно мне глядеть в лицо твое!

Эй, послушай, парень, что с тобой?
 Как распорядился ты судьбой?
 Чем прославить свой народ успел?
 Что узнал?
 Какую песню спел?

Может быть, великих ученик,
 Глубже в тайны атома проник?
 Может быть, в кургане, под плитой
 Клад нашел старинный, золотой —

И на прошлое Алтая
 Пролил новый свет?
 Знаю, парень, — истина простая, —
 Ничего, увы, такого нет!
 Знаешь только, что такое водка,
 И с утра, не в силах встать с земли,
 Словно выброшенная подметка,
 Ты валяешься в пыли!

Вызывая злость людскую,
 Забывая честь мужскую,
 Быть раздавленным рискуя,
 Ты валяешься в пыли!
 Шел я, шел, вдыхая горный воздух,
 Размышлял о будущем, о звездах,

Но лежяшь ты
Поперек пути,
И тебя
Не просто
Обойти!

МОНОЛОГ ТАБУНЩИКА ЯШНАЯ,
ОБРАЩЕННЫЙ К ЛЮБИМОМУ КОНЮ АК-БОРО

Ты меня послушай, Ак-Боро,
Белая жемчужина моя!
Ты меня послушай, Ак-Боро:
Весел я сегодня, счастлив я.

Видишь, твой хозяин — как в огне,
Но хмелен я — радостью одной,
Не подумай плохо обо мне!

Я сегодня орден получил —
Золото в нем есть и серебро.
Слышишь, мне народ его вручил,
Так-то, белогривый Ак-Боро!

С этой доброй вестью я летел
К милым детям, к ласковой жене,
Поделиться радостью хотел —
Не подумай плохо обо мне.

Вот зачем тебя я торошил
Через перевал издалика.
Ты прости, что черный пот покрыл
Благородные твои бока!

Ты прости, что дышишь тяжело, —
Пыльче отдых я тебе даю,
И на сердце у меня — светло.
Дай поглажу голову твою!

Солнцем нашей Родины согрет,
Труд мой древний, дедовский любя,
Много я возрастил за тридцать лет
Жеребят, похожих на тебя.

Всех берет под солнцем золотым,
Но тебя особенно любил:
Словом необдуманым, пустым
Даже сгоряча не оскорбил,

Никогда не сравнивал тебя
Ни с коровой и ни со свиньей
И в правах уравнивал тебя
С близкими, со всей моей семьей.

А подчас — и выше ты бывал:
Ни детей, ни женушку свою
Я в таких словах не воспевал,
Как тебя воспел и воспою.

Но и ты мне здорово помог!
Без тебя, ты слышишь, Ак-Боро,
Я бы, может, вырастить не смог
Семерых детишек, Ак-Боро.

Как тебе хвалу не вознести!
Для меня, мой верный, сделал ты
Близкими — далекие пути,
Низкими — высокие хребты.

Никогда тобой не нахваляюсь —
И за все свершенное добро
Дай тебе я в ноги поклонюсь,
Умный мой, прекрасный Ак-Боро.

И прости, что я веревкой вновь
Спутаю передние твои:
Так велит не злоба, а любовь,
Ты обиды, брат, не затаи.

Погуляй, стрепожен, при луне:
Ты не только нынче нужен мне,
Ты и завтра нужен будешь мне,
Послезавтра нужен будешь мне.

Будь иначе — слышишь, Ак-Боро,
Белая жемчужина, звезда! —
Я б тебя не спутывал хитро,
Отпустил на волю навсегда!

А сейчас...

Пасеешь невдалеке,
Спину подставляя синеве,
Освежись в серебряной реке,
Покатайся в шелковой траве.

Радуй тело гладкое твое,
Помечтай, впадая в забытье.
Ты — и дело главное мое,
Ты — и слово лучшее мое.

Ак-Боро, цветущий зелен склон,
Свищут птички в спней вышине.
И сегодня жизнью опьянен,
Не подумай плохо обо мне!

**МОНОЛОГ ТАБУНЩИКА ЯШНАЯ
ПЕРЕД ТЕМ, КАК ЗАРЕЗАТЬ ОВЦУ**

Ничего не поделать, овечка моя,
Так сказать я тебе хочу:
Сам тебя для жизни выходил я,
Сам я с ней тебя разлучу.
Ох, не я ли тебя на руках таскал,
Когда ты ягненком была,
Ох, не я ли грубой рукой ласкал
Шерсть, которая столь бела?

Такова, овечка, доля твоя,
Ничего не сделаешь тут.
Такова, овечка, доля моя,
Ничего не сделаешь тут.
Кто придумал такое давным-давно?
Это, в общем-то, все равно.
Людам скот выхаливать суждено
И питаться им суждено.

Не от злобы я жизни тебя лишу —
Чтоб насытить моих детей.
Не из мести я жизни тебя лишу —
Чтоб насытить моих гостей.
Ты живая, овечка, и я живой,
Не разбойник я и не вор.
Был бы сыт, как ты, я одной травой —
Так о чем бы и разговор!
Прокормить я обязан семью и род,
Мой земной, человеческий род.

Если сгинет мой, человеческий, род —
С ним и твой, овечий, умрет.
Кто вас будет тогда от волков беречь
И на сочных травах пасти?
Вот, овечка, моя — в оправданье — речь,
И теперь ты меня прости.

Смертно все, овечка, на этой земле,
Смертны птицы, травы, цветы.
Смертно все, овечка, на этой земле,
Конь крылатый — не то что ты.
Смертно все, овечка, на этой земле —
Сам я смертен так же, как ты.
Мы живые с тобой, наших жизнью дрожь
По одной проходит струне,
И когда-нибудь некий незримый нож
Эту жизнь оборвет и мне.
И одна и та же на нас печать,
И едины Жизни пути,
И пока ты жива и можешь прощать —
Ты, овечка, меня прости!

ВЕРБЛЮДИЦА, У КОТОРОЙ УМЕР ДЕТЕНЫШ

Верблюдица, у которой погиб верблюжонок малый,
Рассказывают, три года не в силах забыть беду:
К закату на место смерти в любой мороз небывалый
Приходит — и там почует всю зиму на холоду.

До самой земли поникнув шеей своей лебединой,
Она страдает, как человек, и горше, чем человек.
Носи ей лучшее сено — не съест за ночь ни единой
Травинки, и только слезы катятся из-под век.

Встает — и ходит вокруг бугорка
Низенького, того,
Где умер ее детеныш —
Маленький б о т о г о.

Повсюду снега белеют —
А это место одно
До весны остается
Вытоптано, черно.

Взойдут весенние травы,
А это место одно
До зимы остается
Вытоптано, черно.

За что ей муки такие?
За что ей такая боль
Под грубой, вытертой шкурой,
Местами белой, как соль?

Уж эта мне толстокожесть!
Живительны, горячи,
Три года ее не в силах
Пробить и солнца лучи.

Ты нас верблюдицу тридцать лет —
Не подходи все равно:
Убьет, затопчет, плюнет в лицо —
Это известно давно.

Но знают умные пастухи,
Что ей не надо мешать,
Да и какими словами
Верблюдицу утешать?

Нет слов таких во Вселенной.
Такого нет языка.
Три года — не три недели
Длится ее тоска.

Она обходит свой бугорок
Тысячу тысяч раз.
На черную, черную землю
Падают слезы из глаз.

ДИАЛОГИ

1. МАТЬ И СЫН

— Мама, скажи мне, мама,
Какого цвета любовь?

— Наверное, алая, словно пламя,
алая, как весеннее знамя,
Как юная в жилах кровь!

— Мама, скажи мне, мама,
Счастье — какого цвета?

— Может быть, цвета молодого побега,
может быть, цвета первого снега,
Ищи — сам узнаешь это!

— Мама, скажи мне, мама,
Правда — какого цвета?

— Как солнце, должно быть, она золотая,
как пчелы, что мед собирают, летая,
Светит она и жалит — такая у ней примета!

— Мама, скажи мне, мама,
А ложь — какая на цвет?

— Она, как змея, что меняет кожу,
на все старается быть похожа,
Собственного цвета

у нее — нет...

2. ЗАГАДКИ ВЛЮБЛЕННЫХ

— Яркое, синее, чаши круглей —
Что ж это будет, скажи, Темирей?

— Яркое, синее, чаши круглей —
Ясное небо над милой моей!

— Золото в юрте, в алтарном углу —
Что это будет, скажи, Темирей?
— Золото в юрте, в алтарном углу —
Солнце на небе, над милой моей!

— Тонкой, искусной иглой стройней —
Кто ж это будет, скажи, Темирей?
— Тоньше, искусней, стройней, чем игла,—
Это не ты ли сама, Сют-Яла?

— Почти над юртой черней и темней —
Что ж это будет, скажи, Темирей?
— Ох, и загадку ты мне задала:
То не коса ли твоя, Сют-Яла?

— Дай поцелую тебя поскорей,
Славный отгадчик ты, мой Темирей!
— О Сют-Яла ты моя, Сют-Яла,
Это любовь моя мне помогла!

3. СВАТОВСТВО

М а т ь ж е н и х а

Вот в руке моей красная пнала —
Как в горах костер далекий, светла.
Вот сидит пареченная сватья. Она
Так светла, словно в ясную ночь луна.
Пналу с поклопом ей подаю,
Пусть пригубит красную чашу мою!

М а т ь н е в е с т ы

Я внимаю тебе с открытой душой,
Но помедлю в руки брать чуждой,
Не скажу торопливо, что дочь мою
Я готова отдать в чужую семью.
Разве можно в деле таком спешить?
Надо прежде подумать, потом решить.

Голоса

Первый голос

Двести лет живи, триста лет живи,
Все равно не постигнешь путей любви.

Второй голос

То, что дивным кажется при луне,
В ясный день померкнуть может вполне.

Третий голос

Но и то, что сияет в солнечный день,
Часто гаснет, едва попадает в тень.

Мать жениха

Вот в руке моей красная пшала —
Словно в чистом поле костер, света.
Вот сидит нареченная сватья. Она,
Словно ночь в новолунье, света, нежна.
Пшалу с поклоном ей подношу
И пригубить ее наконец прошу.

Мать невесты

Скрыты искры до срока в твердом кремне!
Много сладкого меда в твоих речах,
Но сумеет ли сын твой, скажи-ка мне,
И разжечь, и сберечь семейный очаг?

Первый голос

Темирей — настоящий парень-джигит,
На него никто не держит обид.

Второй голос

Он известен в родном селе и вдали,
За хребтами и за лесами,
У него машина есть — «Жигули»,
С ярко-огненными глазами!

Третий голос

А не забыл ли бравый шофер,
Как держать косу, как держать топор?

Мать жениха

Звездной масти быстрый конь
Наготове у него,
Как звезда, горит огонь
В юном сердце у него.

Чище, благороднее
Не было огня.
Сватья нареченная,
Услышите меня!

Мать невесты

Милая дочка моя, Сют-Яла,
Словно звезда, чиста и светла.
С легкой душой может ли мать
В юрту чужую дочь отдавать?

Первый голос

Мать невесты, конечно, права:
Сердцем сказаны эти слова!

Второй голос

Мать невесты, видно, гордится,
Говоря о дочке любимой!
Только если долго рядиться —
И машина проедет мимо!

Третий голос

Возмущать людские души
Глухой речью кто там смеет?
Посмотрите, даже уши,
Это слушая, краснеют!

М а т ь ж е н и х а

Колыбель из кедра вечного
В юрте снова пусть качается,
Срок согласия сердечного
Пусть вовеки не кончается.
Наши годы быстро катятся —
Это ли не правда, сватыюшка?
За подолы внуки схватятся —
Это ли не радость, сватыюшка?

М а т ь н е в е с т ы

Но и ты меня тоже, сватья, пойми,
Ведь бывает по-всякому меж людьми.
Велик небосвод, а луна одна,
Земля велика, а судьба — одна,
Дважды песню одну не сложить,
Дважды жизнь одну не прожить.
И складно, и ладно толкуешь ты —
А что, как слова твои все пусты?
Семейная юрта твоя крепка —
А что, как дверь для счастья узка?

П е р в ы й г о л о с

Чиста Сют-Яла и собой хороша —
В сомненьях матери бедной душа!

В т о р о й г о л о с

Но и парня такого, как Темирей
(Да еще с машиной новой своей!),
Отыскать в горах попробуй сумей!

Т р е т ь и й г о л о с

Всяко бывает в жизни, друзья,
И так бывает, родные мои:
Встретились нынче — и есть семья,
Поссорились завтра — и нет семьи.

М а т ь ж е н и х а

Все слова сомнений пусть прочь летят!
В нашей юрте солища лучи блещут,
Нашей юрты дверь широка, добра,
Всякий гость в нашей юрте всегда в чести.
В нашу юрту солище входит с утра —
Как же счастье не сможет в нее войти?

Г о л о с а

Мать жениха, конечно, права,
Пора бы услышать ее слова!

М а т ь ж е н и х а

Ох, сватьяшка, кругом идет голова,
Уже несякают мои слова,
Уже сказала я все, что могла,
Уже дрожит в руках пиала,
Устали руки ее держать,
Нет силы, сватьяшка, дольше ждать,
Каков же, сватьяшка, твой ответ:
Скажешь ли «да»?
Скажешь ли «нет»?

М а т ь н е в е с т ы

Ох, сватьяшка, чуть еще погоди,
Сердце болит и стонет в груди!

Х о р

Белой, белой кобылицы
Отхлебните молока!
Доля дочки луннолицей
Будет замужем легка!

М а т ь н е в е с т ы

Ох, на пригорке береза бела,
Ох, у березы зеленые косы!

Как не жалеть мне тебя, Сют-Яла,
Как не беречь мне тебя, Сют-Яла,
Девушкой ведь и сама я была
Пышиноволосой!

М а т ь ж е н и х а

Лето пройдет, отцветет, и опять
Осень приходит.
Золото листьев березе ронять
Время приходит.
К девушке стройной—березке под стать—
Зрелость приходит.
Темную косу на две расплетать
Время приходит.

П е р в ы й г о л о с

Это пасмурное небо
Прояснится ли когда?

В т о р о й г о л о с

Недоверья стылый ветер
Усмирится ли когда?

Т р е т ь и й г о л о с

Как известно, в этом мире
Есть четыре стороны.
Неужели все четыре
До сих пор еще темны?

М а т ь н е в е с т ы

Если листья облетают,
Кто их сможет удержать?
Если травы расцветают,
Кто их сможет удержать?
Если доля нашим детям
Вместе жить под кровом этим —

Кто их сможет удержать?
Дайте белой кобылицы
Мне пригубить молока,
Чтобы дочки лунолицей
Доля впрямь была легка.
Темирею в жены я отдаю
Пышноволосую дочку мою!

Г о л о с а

Кушта-а! Кушта-а!¹

П е р в ы й г о л о с

Наконец-то к согласью пришли —
И, как видно, счастливы сами!

В т о р о й г о л о с

А машина-то новая — «Жигули»,
Со сверкающими глазами!

Г о л о с а

Кушта-а! Кушта-а!

М а т ь ж е н и х а

Когда над горами Алтая,
Светом их омывая,
Всходит луна молодая —
Радостно сердцу.
Когда, очаг разжигая,
Юрту собой украшая,
Хлопочет жена молодая —
Радостно сердцу!

Х о р

Если дикие гуси летят вдвоем —
Крылья их вдвое сильнеей.

¹ Кушта-а — возглас одобрения и радости.

Пусть же будут счастливы в доме своем
Дети двух дружных семей!

Обе матери

Словно вершины деревьев стройных,
Станем хранить семейную честь.
Счастья детей, друг друга достойных,
Что желаннее в мире есть?

Первый голос

Пусть крепко в ладони лежит ладонь,
Пусть рядом с огнем пылает огонь!

Второй голос

Впереди аргамака в дорожной пыли
Пусть машина катится — «Жигули»!

Третий голос

Пусть родится и впредь под луной золотой
Красота с красотой, доброта — с добротой!

Голоса

Кушта-а! Кушта-а!
Упф!

4. ЛЮБОВЬ

1

- Любишь ли ты меня, Сют-Яла?
- Очень люблю тебя, Темирей!
- Выправду ты любишь, о Сют-Яла?
- Правда: люблю тебя, Темирей!
- Так, значит, любишь, о Сют-Яла?
- Говорю же: люблю тебя, Темирей!

— Значит, уходишь, о Сют-Яла?

— Да, ухожу. Ухожу, Темиррей.

— Значит, не хочешь, о Сют-Яла,
Жить со мной?

— Не хочу, Темиррей!

— Или не можешь, о Сют-Яла,
Жить со мной?

— Не могу, Темиррей!

— Трижды плюнь тогда, Сют-Яла,
И поклянись: «Не вернусь, Темиррей!»
Трижды паземь плюнь, Сют-Яла,
И поклянись...

— Не могу, Темиррей!

— Что же будем делать мы, Сют-Яла?

— О, Темиррей, мой Темиррей.

Дай-ка очаг разожгу поскорей.

Чай вскипачу для тебя, Темиррей!

Поэмы

УЛЫБКА

Случается:

ты ошибся —

и этому сам не рад.

Случается: ты ушибся —

и в этом сам виноват,

О твердый угол эпохи

жестоко

локоть обжег...

И вот, работу закончив,

друзья собрались в кружок.

Они тебя осуждают,

как ты осуждал других,

Они тебя осуждают

как осуждал других,

Они на тебя взирают;

безгрешны, светлы, чисты,

Они похожи на солнце

в сиянии правоты,

Они безупречно правы —

ты с этим согласен сам,

Они похожи на солнце —

и больно смотреть глазам!

И если ты свой характер,

гордясь, железным считал—

Он плавиться начинает,

упрямый этот металл.

Он плавиться начинает

на жарком огне таком:

Со лба тяжелая капля
падает
на протокол!

И сразу, словно преданья
давно отошедших лет,
Все доводы, оправданья
растают — пропал и след,
Ты попросту беззащитен,
ты сник, побледнел и стих,
Ты — словно в горах ягненок,
отбившийся от своих!
Стоишь на скрещенье взглядов —
и каждый, как штык, суров.
...Ты пишешь стихи ночами.
Ты знаешь тысячи слов.

А нынче из всех запасов
осталась тебе одна
Не слишком складная фраза:
«Простите, моя вина...»
Стемнело, звезды над городом
горят, смеясь и дразня.

Подписаны протоколы.
Ушли по домам друзья.
И говор их оживленный
вдали, отзвенев, умолк.
Они бесконечно правы.
Они не исполняли долг.

В добре и зле досконально
и честно разобрались
И всяческим частным, личным чувствам
не поддались...

Куда же теперь?
Скорее
домой, где печка тепла,
Туда, где такой привычный
уют родного угла.

что жизнь прощает меня,

Что можно начать сначала,
 новую взяв тетрадь,
Раздумывать, ошибаться,
 искать, находить, терять —
И вновь приходить к истоку!..
 Спасибо тебе, сынок!
Ты вряд ли понять сумеешь,
 как здорово мне помог.
Ты чмокаешь, засыная,
 беззубым и нежным ртом...
Сегодня не понимаешь —
 не важно, поймешь потом!

ХАРАКТЕРЫ

(Рассказ в стихах)

Амыргунев Амыр —
Знаменитый охотник Алтая:
В рощах, в чащах, в ущельях
Он дома всегда и везде,
И осенние ветры,
По каменным склонам летая,
Любят греться порой
У Амыра в густой бороде.

Нет, наверно, сегодня
В горах, под луною рябою
Ручейка, из которого
Он не испил бы воды.
Волк, лиса и медведь
Меж следами других зверобоев,
В землю тычась носами,
Его
Отличают
Следы.

И пока вот сейчас
На ладонь он сыпает махорку
И табачные крошки
Желтеют у ног на снегу —
В зоопарках Москвы,
Ленинграда
И даже Нью-Йорка
Им плененные звери
Грустят,
Вспоминая тайгу.

Вот над барсовым следом
Он встал, головою качая:
«Барс хитер — я хитрее!
Не раз еще силы сравним!
Ишь ведь — в тыл подбирается...»
Так и живут, не скучая,
И охотятся так:
Он — за барсами,
Барсы — за ним.

Раз идет Амыргушев
Охотничьей трюшкой в тумане.
Чистый холод рассвета
Лицо человеку омыл.
Видит: барсова лапа
Торчит одиноко в капкане..
«Сам себе перегрыз!
Вот характер!» — дивится Амыр.
А кругом — тишина.
С белых веток снежок не стрясется.
Хороша тишина!
Можно пить ее долго и вельесть.
Только вдруг над кустами
Взошла величаво, как солнце,
Морда снежного барса..
Прыжок — и борьба началась!
То Амыр наверху,
То — лесная седая зверюга.
Вот и кровь показалась.
В глазах — то светло, то темно.
Скачут елки вокруг.
Вся по кругу несется округа.
Барс метнулся —
И в погу зубами вгрызается,

но —

Пзумленно скулит:

Непонятна, гладка, жестковата
Деревяшка в зубах!
С ней клыки совладать не сильны.
Нет ноги у Амыра:
Давно, в сорок третьем когда-то,
Он оставил ее
В раскаленном капкане войны.

Он ее схоронил
Там, на западе, в снежной России,
Где равнинные ветры
В столбах над полями гудят...
Кувыркнулся в снегу,
Напрягая последние силы,
Сбросил зверя — и встал,
Распрямился охотник-солдат.
Черт, ружье отказало!
А зверь — он не даст передышки.
Не протянешь руки,
Не предложешь по-доброму: «Мир!»
Значит, нож выручай!
...Нож темнеет у зверя в подмышке,
И лицо кушаком
Утирает охотник Амыр.

«Значит, все же не стар!
Значит, сила в руках не пропала!
Значит, зверя не раз
Одолеть еще в жизни смогу!...»
Оседает кругом
Загустевшее облако пара.
Снежный барс, теплый барс
Остывает на смятом снегу.

И уже на усах
Замирают снежинки, не тая,

И опять тишину,
Словно белую книгу, читай..
Вот какие, представьте-ка,
Люди у нас на Алтае!
Вот какие, представьте-ка,
Звери у нас на Алтае!
Вот чем славен Алтай.
Приезжайте ко мне на Алтай!

КОНОВЯЗИ

В час, когда над миром золотая
Плавает луна и люди спят,
Слышу я: в урочищах Алтая
Коновязи старые скрипят.
Может быть, скрипят, а может,— плачут,
Снявшись с мест, бредут по склонам гор.
Мертвые — как призраки, маячат,
С ветром затевают разговор.
Что ж они выпрашивают, ищут?
Ждут ли, чтобы вновь из прошлых дней
Долетел к ним близкий дым жилища,
Теплое дыхание коней?
Где ж те кони — резвы, ясноглазы?
Вдаль какие тропы увел
Тех джигитов, чей аркан ни разу
Не касался трав сырой земли?
Жизнь ушла, отхлынула куда-то...
Вот — следы анла у реки.
Не сюда ли наезжали сваты
С полным ташауром араки?
Мать с отцом встречали их сурово,
Гордое достоинство храня,
Лишь потом теплел, за словом слово,
Разговор за чаркой, у огня...
В час, когда над миром золотая
Плавает луна и люди спят,
В голубых урочищах Алтая
Коновязи плачут и грустят
О былом, ушедшем безвозвратно,

Где при деле были и они...
Пм, недвижимым, просто непонятны
Новые, стремительные дни.
Век, тебе служу неустомимо.
Все твои заветы берегу,
Но — прости! — пройти спокойно мимо
Коновязей старых — не могу.
Их стеланье, лепет, бормотанье
Ощущаю всякий раз в ушах —
И теряюсь, и робею втайне,
И невольно убыстряю шаг.
Время все же, знаете, ночное,
Сказки детства в памяти встают.
Коновязи старые за мною
Тянутся... бормочут... отстают...
А порой — прихлынет к сердцу жалость
К ним, печальным, дрогнувшим от рос...
— Что в тебе от прадедов осталось? —
Кажется, я слышу их вопрос,
Мчась в машинах, в облаках летая,
Постигая жизни существо,
Сын ли ты прекрасного Алтая
Или только века своего?..
Вы — послы былого в нашем веке,
Веке межпланетных кораблей,
Коновязи, коновязи — вехи
Неотступной памяти моей!..

ГЛАВА ПЕРВАЯ
КОНОВЯЗЬ В УРОЧИЩЕ АТПАЗАР

1

В долине тихой, далеко-далёко
От современных шумов и огней,
Она, как перст, чернеет одиноко,
И шесть зарубок видятся на ней,

Стара — должно быть, видела немало,
Как древний бог, зловеща и темна.
Меня давно, признаться, занимало,
Когда и кем поставлена она.
Но люди ничего не отвечали,
Когда я их расспрашивал. Они
Лишь головами холодно качали:
— Не слышали... Не помним... Извини —
Но как-то раз, махорочного дыма
Пустил из трубки несколько колец,
Один старик сказал мне наконец:
— То коновязь кровавого Карыма!
Он сеял в мире слезы и беду,
Худую память по себе оставил... —
Умолк старик. А после вдруг прибавил:
— Ты знаешь ведь Карымова Саду? —
Саду Карымов! Многое сказало
Мне это имя: сверстники, годки,
Не с ним ли мы на склонах Аtpазара
Кротов ловили в детские силки?
Парнишка бойкий, сын поры военной,
Как я, в пальтишко драное одет,
Не знал Саду, мой спутник неизменный,
Что коновязь его поставил дед.
Он был веселым, смелым и кудрявым
В суровом том и памятном году,
И то, что звался дед его «кровавым», —
Едва ли знал приятель мой, Саду...

2

«Кровавый Карым был дурным человеком, —
Старик говорил мне. — Не месяц, не год
Молва растекалась, как пена по рекам,
О том, как терзает он бедный народ.

А коновязь эту мы знали особо.
Пугала она не одних сосунков:
Здесь, к ней привязавши, весь черный от злобы,
Кровавый Карым избивал батраков.
В то время я был чабаном у Карыма,
И как-то мертвяк родился у овцы...
На теле моем и теперь еще зримы,
Как память о случае этом, — рубцы.
А раньше — отец мой здесь умер под плетью,
И мать до утра голосила над ним...
Так правил долиной в года лихолетья
Жестокий хозяин — кровавый Карым.
Богат был Карым: словно белые птицы,
По склонам белели отары его.
Но лютая жадность, не зная границы,
Случалось, вела его на воровство.
С ним старшие дети бесчестье делили.
А надо еще тебе знать, что тогда ж
В соседней, озерами славной, долине
Жил бай-богачей по прозванию Кокпаш.
В его табуне, меж другими блистая,
Порывист, летуч, как ружейный свинец,
Известный всему голубому Алтаю,
Игреновой масти гулял бегунец.
И ночью, такой, когда прежние боги
И те не пустились бы в путь без огня
И путник, застигнутый тьмою в дороге,
Не видит ушей своего же коня, —
Они собрались на опасное дело.
Но только обратно, взамен бегунца,
Вьюком привезли бездыханное тело
Сраженного пулей злодея-отца.
Недаром в горах говорили в ту пору:
«Кокпашева пуля точнее, чем глаз!
Позарился вор на поживу у вора —
Да вот и парвался на пулю как раз».

Сдвигал собеседник мой сивые брови:
«К чему, — говорил он, — рассказ я веду?
Карымов Саду — он Карымовой крови,
Но разве похож на Карыма Саду?»

3

А вечер я провел под кровом дома,
Под шелест яблонь за окном, в саду,
В гостях у коммуниста, агронома —
Товарища Карымова Саду.
Мы вспоминали детство — и смеялись
С непозабитой детской простотой
Над тем, как мы отчаянно боялись
Уединенной коновязи той.
«Там, — говорили бабушки с базара,
Нас матерински глядя по плечам, —
Худое место: черти Атапазара
Там жгут огонь и пляшут по ночам!»
Мы приходили с плетью на рассвете
И коновязь хлестали час подряд:
«Боятся черти только конской плети» —
Так, мы слышали, люди говорят.
И, настегав, казалось, их до смерти,
Кругом бродили храбро допоздна.
Простите, черти, мы не знали, черти,
Что коновязь — не тем была страшна!

4

На запад вал войны катился,
Уже к Варшаве подходил.
Саду снял, Саду гордился:
— Отец мой — храбрый командир!
Смотри, опять приелал нам сахар!
Военный сахар! Из пайка...

И я, слюну глотая, ахал
При виде белого куска.

А мой — не дрался в обороне.
Не бил в атаке по врагу!
А мой — давным-давно схоронен
На мирном кладбище в логу.
Над мирным кладбищем, над логом
Гуляют ветры и дожди.
Отец — в таком краю далеком,
Откуда сахару — не жди.
Почтарь с гостинцами в пакете
Не переступит наш порог...
И мне казалось, что на свете
Я бесконечно одинок.
А друг Саду — умел он, что ли,
Как взрослый, в душу заглянуть? —
Спешил кулак мне протянуть:
— Бери свою, товарищ, долю —
И про сестренку не забудь!..

Но как-то со своей кротовьей
Охоты мы в поселок шли
И плач у слышали вдали
И догадались: это — вдовий.
В ту пору — вовсе не из книг —
Душевный опыт мы имели
И сразу отличить умели
От прочих — первый вдовий крик.
Бегом — домой! А там в печали
Среди двора, полукольцом,
Стояли все односельчане,
И мать Саду, с таким лицом,
Как будто не лицо, а камень,
Шептала что-то, как в бреду...

И не делился больше с нами
«Военным сахаром» Саду.

5

Саду Каримов! Наступает утро.
Мне хорошо в твоём уютном доме,
Но вдаль опять зовет меня дорога.
Пуškai теперь читатель наш рассудит:
Карыма внук ты — или сын эпохи?
А малыши твои, которым рано
Еще вставать, — кто: правнуки Карыма?
Ужель ему они родней, чем мне?

ГЛАВА ВТОРАЯ
КОНОВЯЗЬ В УРОЧИЩЕ КЫРЫШКАН

1

Тип-тип-тип — телетайп стучит,
Смотрят окна в синюю тьму.
Рядом древний старик молчит —
Интересно слушать ему.

И сегодня дома, в тепле,
Но, как пчелы в улей, сюда
Тащат вести о всей земле
Волны радио, провода.

До чего ж этот мир велик!
До чего же серьезен он!
Головой качает старик:
Он — в который раз! — поражен:

«Я, алтаец, алтай-кижи,
Мог ли прежде мечтать о том,
Что однажды в ночной тиши
Целый мир я впусти в свой дом?»

И я, слюну глотая, ахал
При виде белого куска.

А мой — не дрался в обороне.
Не бил в атаке по врагу!
А мой — давным-давно схоронен
На мирном кладбище в логу.
Над мирным кладбищем, над логом
Гуляют ветры и дожди.
Отец — в таком краю далеком,
Откуда сахару — не жди.
Почтарь с гостинцами в пакете
Не переступит наш порог...
И мне казалось, что на свете
Я бесконечно одинок.
А друг Саду — умел он, что ли,
Как взрослый, в душу заглянуть? —
Спешил кулак мне протянуть:
— Бери свою, товарищ, долю —
И про сестренку не забудь!..

Но как-то со своей кротовьей
Охоты мы в поселок шли
И плач усьпшали вдали
И догадались: это — вдовий.
В ту пору — вовсе не из книг —
Душевный опыт мы имели
И сразу отличить умели
От прочих — первый вдовий крик.
Бегом — домой! А там в печали
Среди двора, полуколыцом,
Стояли все односельчане,
И мать Саду, с таким лицом,
Как будто не лицо, а камень,
Шептала что-то, как в бреду...

И не делился больше с нами
«Военным сахаром» Саду.

5

Саду Карымов! Наступает утро.
Мне хорошо в твоём уютном доме,
Но вдаль опять зовет меня дорога.
Пустькай теперь читатель наш рассудит:
Карыма внук ты — или сын эпохи?
А малыши твои, которым рано
Еще вставать, — кто: правнуки Карыма?
Ужель ему они родней, чем мне?

ГЛАВА ВТОРАЯ
КОНОВЯЗЬ В УРОЧИЩЕ КЫРЫШКАН

1

Тип-тип-тин — телстайн стучит,
Смотрят окна в синюю тьму.
Рядом древний старик молчит —
Интересно слушать ему.

Я сегодня дома, в тепле,
Но, как пчелы в улей, сюда
Тащат вести о всей земле
Волны радио, провода.

До чего ж этот мир велик!
До чего же серьезен он!
Головой качает старик:
Он — в который раз! — поражен:

«Я, алтаец, алтай-кыжи,
Мог ли прежде мечтать о том,
Что однажды в ночной тиши
Целый мир я внушу в свой дом?»

Телетайп затих. В тишине —
Только чуточку помолчи —
Снова, снова, слышится мне:
Плачут коновязи в ночи.

«В Кырышкане коновязь есть, —
Говорит седой старина. —
Про бесчестие и про честь
Рассказать могла бы она.

Знаешь, кто поставил ее,
Чьи зарубки на ней видны?
Так запомни слово мое:
- В дня гражданской давней войны

Партизаном был боевым
Человек, чье имя — Кылыш.
Ты ведь помнишь его живым,
Ты ведь помнишь, хоть был малыш?»

2

Да и впрямь — как не знать, как не помнить Кылыша!
Ветеран партизанский, в снегу седины,
В наш сиротский анл, под замшелую крышу
Приходил он однажды в начале войны.
Помню, мяса принес — подстрелил, мол, косулю.
Говорил: все друг другу должны помогать!
И глаза его вдруг как-то влажно блеснули —
Лишь на миг...
А потом потускнели опять.
Он сидел у огня, гнул сутулую спину
(Был очаг разгоревшийся ярко и рыж).
— И твердил: — Что-то писем все нету от сына,
Очень занят, наверно, на фронте Байрыш! —
И звучал его голос все тише и тише,
И сидел он, и слушал, как пламя шипит.

— Сын мой вырос в седле, сын мой — храбрый джигит!..
И опять проходили в молчанье минуты,
И седой партизан был на камень похож.
— Это ложь! — возражал он внезапно кому-то,
Отхлебнув араки. — Это гнусная ложь!..
И звучал его голос все тише и тише,
Как по крыше — редяющий цокот дождя.
— Верьте сыну Кылыша и слову Кылыша! —
Много раз повторил нам старик, уходя.

3

А слухи шуршали, как мыши,
Тревожили сельскую тишь:
— Милиция идет Байрыша,
Бежал с поля боя Байрыш...

Мне памятны те разговоры
И лица моих земляков.
Мне памятны

возле копторы
Крестьянские сапи.
С боков

Конвойные ружья сжимали,
Суровы, как высшая власть.
— Байрыша, Байрыша поймали! —
По улице новость неслась.

К саням (люди так и теснятся!)
Пробился и я наконец.
Хотелось мне видеть, признаться:
Каким он бывает, беглец.

Весь череп, как будто от пыли,
Среди снеговой белизны

Сидел он — и волосы были,
Как волосы женщины, длинные.

А солнце виходило все выше,
Искры под солнцем снежок.
— Ну как — верим сыпу Кылыша? —
Раздался жестокий смехок...

4

Подошла, заплакав, старуха Яичи:
— Что, Байрыш, молчишь? Ну, молчи, молчи!
Что сказать сегодня ты мог бы мне,
У которой сын погиб на войне? —
Так промолвив, стерла слезы с лица
И — плюнула в лицо беглеца.

Вместе с ним на фронт уходивший Бурза:
— Посмотри, — сказал, — мне, Байрыш, в глаза!

Нас обоих видят вновь земляки,
Только я пришел без правой руки.
Что ж теперь, Байрыш? Что молчишь, Байрыш?
Что ж в глаза мои не глядишь, Байрыш?

И кругом воцарилась жуткая тишь,
Когда к сыну хмуро шагнул Кылыш.
Никогда он старым таким не бывал!
— Хорошо ли, сын мой, повоевал?
Ты — не сын, ты стыд мой! — сказал, и пошк,
И заплакал — у всех на глазах — старик.

И к саям придвинулась велед за ним
Молодая в ту пору вдова Бачим:
— Посмотри, бесстыжий, и на меня!
Дома плачет голодная ребятня!

Почему не пришлось тебе, ляходей,
Подавиться мясом коровы моей?..

Знает мир, что мудр мой горный народ,
Далеко умеет глядеть вперед.
Но я самый мудрый из наших людей
Предсказать бы не смог, что в один из дней
Будут сына Кылыша все проклинять,
Недобром дела его поминать:

Как от солнца в пещере лесной Байрыш
Хоронился, будто летучая мышь,
Как тайком бродил по тропам ночным,
Как зарезал корову бедной Бачим,
Как в своей пещере, от страха слеп,
Заворачивал в шкуры краденый хлеб!

Этот хлеб, когда наступила весна,
Пригодился колхозу на семена,
Только это уже разговор иной...
Вновь тот день незабываемый передо мной.
Новый слух прополз в предвечерней мгле:
Старика Кылыша нашли в петле!..

5

И вновь стрекочет телетайпный зал
В приемнике, и под шуршащие ленты
Нам диктор популярно рассказал,
Чего, бастуя, требуют студенты
Во Франции,

чем Рим живет,

а мне

Мерещится, что явственно я слышу:
Вдали отсюда, в снежной тишине
Грустит и плачет коповязь Кылыша...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
КОНОВЯЗЬ В УРОЧИЩЕ КАРГЫСТУ

1

Там, где скаты гор поголубели,
Где подобны башням шапки елок,
Он лежит, как будто в колыбели,
Мой далекий, маленький поселок.

Утром солнце поздно достигает
Наших мест: хребты в молчанье диком
Застят путь...
И солнцу помогают
Петухи своим усердным криком.

О поселок мой в краю пастушьем!
Чем богат он? Каждому ответу:
Более всего — людским радушьем,
Красным словом, родниковой речью.

Как занятно сызнова взглядеться
В мир, знакомый мне не понаслышке!
— Чей ты, босоногий? Кто отец твой? —
Выспросить у встречного мальчишки,

Загрузить светло и беспричинно,
Погрузившись в собственные думы...
Носят здесь и шубы из овчины,
Носят и московские костюмы.

Мчится время над родной долиной,
И, бывает, на лесной тропинке
С башмаками выделки старинной
Встретятся парижские ботинки...

Я приехал в край мой летом, в полдень золотой,
 Лес был зелен, солнце было круглым и большим.
 Слышу голос, звонкий голос: — Все — на той,
на той!
 Все друзья — на свадьбу сына тетушки Бачим!

У Бачим сегодня праздник! Нынче сын привел
 В дом невестку!

— А который?

— Средний сын, Орой! —

И невольно я ладонью по лицу провел:
 День давнишний, незабывый вновь передо мной.
 Потрясенные, мы стоим и молчим,
 И в лицо Байрышу кричит Бачим:
 «Посмотри, бесстыжий, и на меня!
 Дома плачет голодная ребятня!
 Почему не пришлось тебе, лиходеи,
 Подавиться мясом коровы моей?»

Кто Байрыша вспомнит ныне? Может, я один.
 А Бачим — людьми любима, радости полна.
 Пусть в косе ее блистает серебро седи —
 Веселится, свадьбу сына празднует она.

— Где, Бачим, твой старший, летчик? — Вот он,
старший мой:

Прямо с Дальнего Востока прибыл нынче в ночь!
 — Дочка где? — из Барнаула в отчий дом родной
 Только что на свадьбу к брату прилетела дочь!
 Мы приветствуем на свадьбе всех детей Бачим.
 Новобрачным пожеланья весело кричим.
 Пар от конского дыхания — на дворе Бачим,
 Элегантная машина — у ворот Бачим.

Всех встречает, угощает, весела Бачим.
С плеч сегодня все печали сбросьте — у Бачим!
Шутники и острословы — вокруг стола Бачим,
Судурчи — пророки то есть, — гости у Бачим.

Им предсказывать худое в этот день нельзя!
Песня радости и счастья рвется на простор:
«Как не встретиться, откуда живы мы, друзья?
Как не встретиться, ведь мы же — не вершинам гор!»

До утра сегодня, видно, мы не замолчим,
Станут песни друг за другом литься, как одна.
И светла, как месяц ясный, тетунка Бачим,
Ясным солнышком сияет юная жена.

И звучит алтайская свадебная:

«Твой апл, чья дверь, как луна,
Шелка золотом — да украсится.
Молодая твоя жена
Золотым умом — да прославится...»

3

А старухи между тем за кругом круг
По путям воспоминания торят.
— До твоей счастливой свадьбы, милый внук,
Мы дожить мечтали разве? — говорят. —
Нелегко нам жизнь хорошая далась,
Но печалью праздник ваш не омрачим...
— Веселимся, — значит, живы, — всем, смеясь,
Отвечает захмелевшая Бачим.

Вкруг нее шумит-поет веселый той.
И, отпив глоток, как правило велит,
Кто-то чарку подает ей — чоочой:
— Вдвое слаще то, что делишь, — говорит.

Веселитесь, тетушка Бачим,
 Забывайте горести былые —
 Мы за вас про них не позабудем:
 Как весной ходили вы за плугом,
 Как дрова колоть вы занимались,
 Как, бывало, вы копали в согре
 Когозни — съедобный дикий корень..
 Низко-низко кланялись земле вы,
 Чтобы дети полететь могли!

Длится той, далек его конец,
 И чуть-чуть кружится голова.
 — Посмотрел бы на детей отец! —
 Чьи-то в шуме слышатся слова.

...Муж Бачим, по имени Кочкор,
 Пас коней на склонах Каргысту.
 Был своим он у окрестных гор,
 Покорял любую высоту.

И коней бесстрашно объезжал,
 Плетью по-пустому не гоня:
 Словно человека, уважал,
 Понимал хорошего коня.

Самых диких, бешеных коней,
 Что земли не тронут на лету,
 Он, Кочкор, привязывал к своей
 Коновязи — там, на Каргысту!

Ездил он по кромкам облаков,
 Прикасался к вольной синеве.

По у самых дерзких смельчаков
Смерть, как говорится, в рукаве.

Он, Кочкор, коней не обижал:
Плетью по-пустому не гоня,
Самых непокорных объезжал,
А погиб — от смирного коня.

Было так: в горах, у ручейка
Выпорхнула птица из-под ног,
Прянул конь — и сбросил седока,
За собой по склону поволок.

Обезумев, с гор пустился вниз,
Встал, дрожа, где коновязь ждала...
Дочь Кочкора, крошка Карагыс,
В колыбельке в этот миг спала.

6

Память ушедшим, живое — живи,
Радость — умножься, а горести — прочь!
Песня особая, песня любви
Будет звенеть в эту лунную ночь:

«Дымкой окутанный, дивный Алтай,
Лис твоих шубы на шубу нам дай!
В аиле, где светит луна в дымоход,
Невестке родня две косы заплетет.
Светлыми реками, славный Алтай,
Мягкую выдру на шапку нам дай!
В аиле, где жарок очаг допоздна,
Нам сварит еду молодая жена».

Ах, когда бы впрямь был жив Кочкор,
 Он с детьми завел бы разговор.
 Он Ороя, сына, бы спросил:
 — Много ль трав ты нынче накопил?
 Объясни-ка, сын, — отец поймет:
 Что за штука это — стогомет?

Он сказал бы старшему: — Эндрен,
 Коли ты и летчик, и майор, —
 Ну-ка, руку меткую потешь,
 Постреляй-ка в цель со мной на спор,
 Чей прицел вернее? По рукам,
 Как и полагается стрелкам!

Он соседу бы сказал: — Дивись,
 Нынче уж не глянешь сверху вниз
 На мою дочурку Карагыс...
 Скоро скажем: доктор Карагыс!

Радостно на сердце у меня:
 Будет знать детей моих Алтай!
 Но... коли боится кто коня,
 Тот себя алтайцем не считай!

И звучит песня пожилых женщин:

«Когда был жеребенком гнедой,
 Он с большой повстречался рекой,
 А когда я была молодой,
 Погубила война мой покой!..»

Этой песне отвечает другая:

«Вечер прошел, не вернуть его, нет,
Скоро наступит желанный рассвет!»

Знать, не зря та песня родилась
И сегодня вспомплась не зря:
Вот уже и вправду занялась
Таи Чолмон — багряная заря.

Травы будут пламенеть от рос,
Будет розовым туман сырой.
Тихим утром выйдет на покос
Со своей избранницей Орой.
Два счастливых молодых лица
Ветерок овеет в тишине.
— Видишь, это коновязь отца,—
Скажет муж красавице жене...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда я эту складывал поэму,
Я слал перу проклятья и бумаге
И к ним же возносил свои молитвы,
Прося мне — по возможности — помочь.
Я был в гостях у прошлого, в аиле
У человека, славшего молитвы
Горам и грому. Слышал, как невестка
Запрет старинный свято соблюдала:
Случайных тезок свекра и свекрови
По именам отнюдь не называть.
Я слышал, как шагали предки мимо,
Как травами сухими шелестели,
Как двери юрт со скрипом открывали,
Вели коней, уздечками звеня,
Часов не зная, измеряли время
Числом примерным выкуренных трубок,

А про меня, про век мой сильный, трудный
Они совсем не знали ничего!..

Мне спилось: я в бедняцкой одежке
Стою, унижен, пред зайсанской плетью,
Мне было стыдно видеть, как мой предок
За маленькое зеркальце одно
Готов отдать был несколько быков
Прижимистому хитрому торговцу!..
Да, я — алтаец! Но — другой эпохи:
Я приходил под своды Мавзолея
И с Лениным великим говорил,
Я провожал в последний путь Хикмета..
Но, колеса по Горному Алтаю,
Я слышу голос коновязей старых:
— Куда исчезло Прошлое?..—

Потомок,

Я воду пью из тех же родников,
К которым прежде предки припадали,
Я солью соль зову и хлебом — хлеб,
«Весна пришла!» — я радуюсь, как предки,
«Настала осень!» — я грущу, как предки.
Но предки смелые мои не знали
Того, что знаю я: что будет можно
За время перекура и за время,
Пока вскипает чайник на костре,
Живую жизнь стереть с лица планеты!
Все это — мне понять и побороть.
..Мое лицо и глаз моих разрез —
Такие ж, как у предков. Я — алтаец.
Что ж значит «быть собою» для меня?
Быть сыном гор моих — и сыном века:
Когда я сыном Времени не буду —
Моим горам, тем самым, изменю,
Когда ж забуду вас, родные горы,—
Тогда и веку стану я чужим.
Об этом я писал. Об этом — думал.

СОДЕРЖАНИЕ

Ветка горного кедра

«Я — горного кедра колючая ветка!..»	
Перевод И. Фоякова	5
Ночь в горах	
Перевод И. Фоякова	7
Соль	
Перевод И. Фоякова	9
Бег аргамака	
Перевод И. Фоякова	11
Материнский подарок	
Перевод И. Фоякова	13
«Часто я в снах моих вижу картину все ту же...»	
Перевод И. Фоякова	15
Весенний снег	
Перевод И. Фоякова	17
У колыбели сына	
Перевод И. Фоякова	19
В бессонную ночь	
Перевод И. Фоякова	22
Письмо Николаю Рубцову	
Перевод И. Фоякова	24
«Душе всегда...»	
Перевод И. Фоякова	26
Стихи о коне	
Перевод И. Фоякова	28
Старик	
Перевод И. Фоякова	30
Слепой поэт	
Перевод И. Фоякова	32
Голубой цветок	
Перевод И. Фоякова	34
«Восходят в гору старики...»	
Перевод Г. Карпунина	36
«Я на землю раз прилег весной...»	
Перевод И. Фоякова	37

Избушка моего дедушки	
Перевод Г. Карпунина	38
«На тебя загляделся Алтай...»	
Перевод И. Фоякова	40
«Осень...»	
Перевод И. Фоякова	42
Утро моей поэзии	
Перевод И. Фоякова	43
«Каярлык, Каярлык, Каярлык...»	
Перевод И. Фоякова	46
Черемухи	
Перевод И. Фоякова	48
«Раз проснулся я: луна...»	
Перевод И. Фоякова	49
«Если ты во сне увидишь...»	
Перевод И. Фоякова	50
«Женщина расчесывала ночь...»	
Перевод И. Фоякова	51
Мой костер	
Перевод И. Фоякова	52
«Уеду я, уеду я...»	
Перевод И. Фоякова	53
«Вблизи села, в кладбищенском логу...»	
Перевод И. Фоякова	55
«Как бы ни пели мы, способность петь...»	
Перевод Н. Гребнева	56
Дорога и мечта	
Перевод И. Фоякова	57

Земля синего неба

Переводы Б. Слуцкого

Моя родина	61
«Я падал много раз...»	65
Время и люди	66
День пастуха	69
Дочь чабана	72
Осенью	74
Исчезнувшие птицы	76
Жил-был старик	79
Женщина ждет ребенка	82
Сын учится говорить	85
Свети	87
Мычит белая корова	89

Весенняя ночь	91
Рассказ охотника	92
Сани	95
Гроза над далекой стоянкой	96
«Годы долги́е дома родимого я не видал...»	100
Я жду улете́вшего белого лебедя	102
«Засы́пая, ребенок пла́чет...»	105
«Я не твоя молчаливая те́нь...»	107
«Вече́ром не умира́йте...»	108

Эхо вечного Алтая

Переводы И. Фонякова

Говорят алтайцы	111
Благопожелания	127
Заклинание медвежьей головы	129
Проклятье врагу	131
Молитва у кедра	132
Молитва, обращенная к тошшуру	133
Радости алтайца	134
Что позорит алтайца	138
Монолог табунщика Яшная, обращенный к любимому коню Ак-Боро	142
Монолог табунщика Яшная перед тем, как зарезать овцу	145
Верблюдица, у которой умер детеныш	147
Диалоги	149

Поэмы

Переводы И. Фонякова

Улыбка	161
Характеры	165
Коновязи	169

Борис Укачинович Укачин

ЭХО ВЕЧНОГО АЛТАЯ

Стихотворения и поэмы

Редактор Б. Романов

Художник Б. Сопин

Художественный редактор В. Покусаев

Технический редактор Е. Румянцева

Корректор И. Николаева

ИБ № 1281. Сдано в набор 30.08.78. Подписано
к печати 19.03.79. А10442. Формат 70х90/32.

Бумага тип. № 1. Гарнитура обычн. новая.
Печать высокая. Усл. печ. л. 7,02. Уч.-изд. л.
6,55. Тираж 10 000 экз. Заказ 3912. Цена 80 коп.

Издательство «Современник» Государственного
комитета РСФСР по делам издательств, поли-
графии и книжной торговли и Союза писателей
РСФСР

121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

Рязанская областная типография
390012, Рязань, Новая, 69/12

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

*Просим отзывы о книге — ее содержа-
нии, художественном оформлении и по-
лиграфическом исполнении — направлять
по адресу:*

*121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4
Издательство «Современник»*

80 коп.